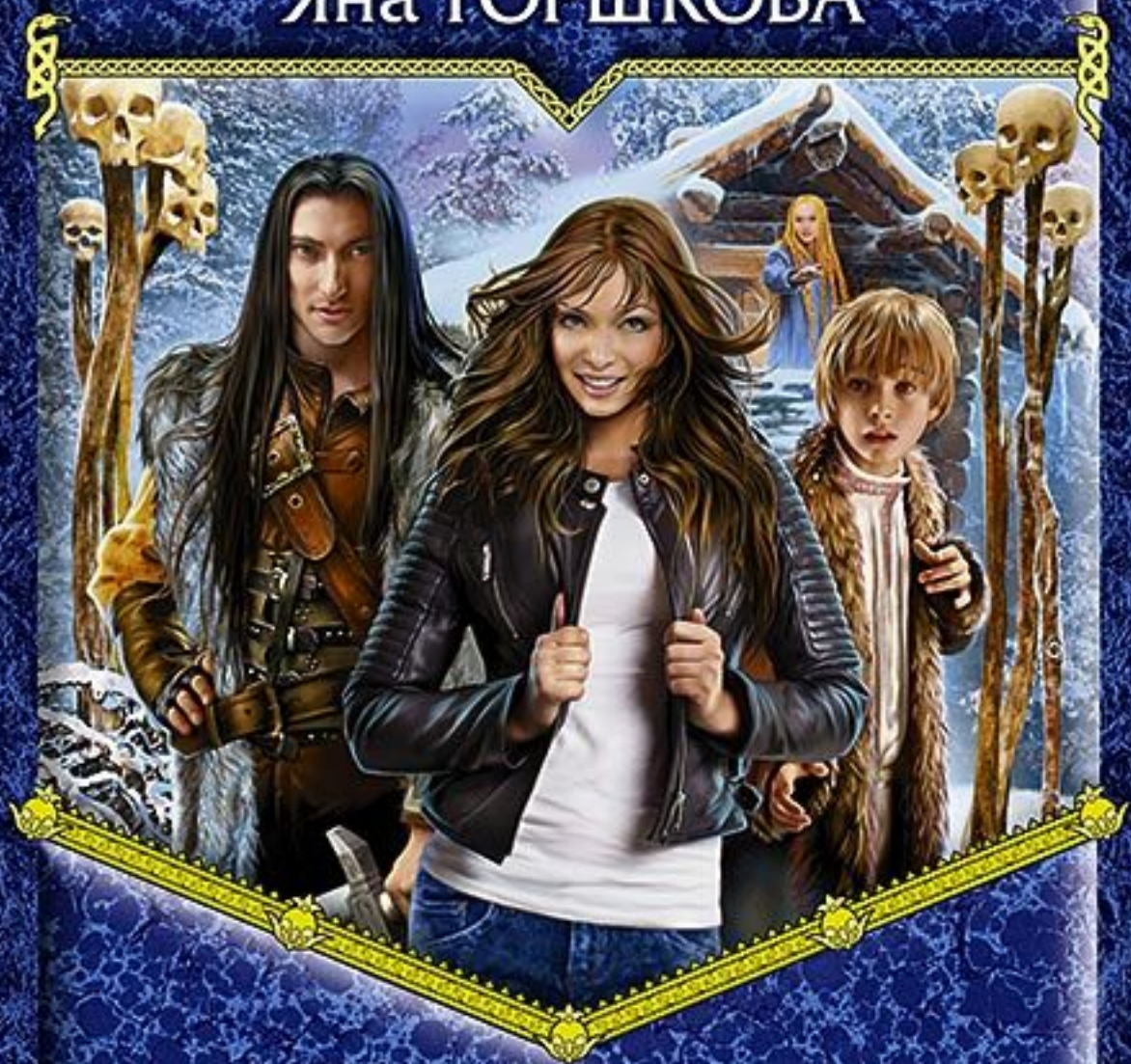

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Людмила АСТАХОВА,
Яна ГОРШКОВА

КОШКА КОЛДУНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

**Людмила Викторовна Астахова
Яна Александровна Горшкова
Кошка колдуна
Серия «Катя и сиды», книга 1**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11655284
Кошка колдуна: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2015
ISBN 978-5-9922-2075-9*

Аннотация

Знала ли петербурженка Катя Говорова, чем закончится для нее гадание в крещенский вечерок? Старое зеркало оказалось дверью в иной, суровый мир, а единственный защитник девушки отныне – непредсказуемый и коварный колдун из Народа Холмов. Вот только уважением и симпатией там и не пахнет, ведь хозяин считает Катю не служанкой даже, а просто домашним питомцем...

А вот Кеннета из клана Маклеодов встреча с женщиной из племени богини Дану не смутила ничуть. Что может напугать средневекового горца, если к седлу приторочен верный меч, на устах – учтивые речи, а в руках – кружка доброго эля?

Но и Катя, и Кеннет – всего лишь пешки в опасной и древней игре двух бессмертных. И в этой партии у страсти – привкус мести, а любовь отравлена коварством...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	30
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Людмила Астахова, Яна Горшкова

Кошка колдуна

Посвящается Екатерине Зайцевой

*...и ты попала
к настоящему колдуну.*

Группа «Король и шут»

Глава 1

«Знакомься, Алиса, это – пудинг»

Екатерина Говорова

С самого утра я чувствовала себя Белым Кроликом. Все признаки налицо: глаза красные от хронического недосыпа, суетливость в движениях и постоянная оглядка на время. Один в один кэрролловский персонаж, не хватает только белой шубки. Когда за окном плюс десять – самое оно. Последний день весны называется. Конечно, одна большая чашка кофе спасла бы «мать российского этнотуризма», но как назло кофе закончился вчера, а Данька был в отъезде.

По мере продвижения к входной двери хаос нарастал, как снежный ком.

«Только не забыть ключи от Ласточки! Только не забыть ключи...» – думала я, втискивая ноги в кроссовки.

– Где они?!

Мой вопль сотряс старенькую хрущевку, как громовой раскат. Я же положила их на полочку перед зеркалом в прихожей! Вот черт! Отчаянные метания по квартире ни к чему не привели, и, когда я уже плюнула на это безнадежное дело, ключи сами нашлись в кармане куртки. И так всегда!

По лестнице я катилась почти кубарем, одновременно застегивая сумочку, пересчитывая папки с документами (поработать дома вечером, уже засыпая на ходу, – похвальная, но совершенно невыполнимая задача), проверяя входящие звонки и... Я по привычке мельком глянула на почтовый ящик. Внутри что-то лежало, но так лень было лезть опять в сумку за ключами... Короче, знакомство с входящей корреспонденцией я отложила на вечер. Если не забуду и снова не пробегу мимо. Или на следующее утро. Одним словом, когда дверь подъезда захлопнулась за моей спиной, я и думать забыла о письмах. Мне предстояло маленькое, но нервзатратное сражение с Ласточкой – древней, как египетские боги, и такой же капризной и злопамятной жигуленкой-«четверкой», которая в миру – ВАЗ-2104. Собственно, Ласточкой ее называл предыдущий хозяин. В качестве тонкой издевки над продуктом советского автопрома, надо полагать. Ласточка по натуре своей была эксгибиционисткой, более всего жаждавшая обнажиться перед брутальными механиками. Она ломалась, ломалась и ломалась, а я ее чинила, чинила и чинила. Но все это случалось исключительно в городской черте, а стоило нам с ней оказаться в местах диких, напрочь лишенных признаков автосервиса, как в Ласточке пробуждалась какая-то исконная российская стойкость. Красная «четверка» волшебным образом преображалась в легендарную «тридцатьчетверку» и в этом измененном состоянии души преодолевала все тяготы и лишения... хм... так называемых дорог Новгородской области. Ради этой способности я и терпела все Ласточкины выходки.

– Здравствуй, дорогая. Как спалось? – С ней надо было разговаривать ласково, практически лебезить, иначе она обязательно зальет свечи. Проверено сто раз. – Уверена, ты отдохнула гораздо лучше меня. Моя девочка, моя красавица...

В салоне одуряюще воняло освежителем. Моя Ласточка, словно какая-нибудь крутобедрая звезда сериала, обожала парфюм в смертельной дозировке. Смешно сказать, но без «елочки», повешенной на зеркало заднего вида, эта... милая добрая машинка просто не заводилась. Фантастика, да?

Но утром тридцать первого мая две тысячи двенадцатого года жигуленка проявила милосердие, достойное Флоренс Найтингейл, а я – знаменитую русскую терпеливость, и мы поехали практически сразу. Это был знак! Только я еще не знала, какой именно, а жаль.

Офис мой гордо раскинул все свои двадцать семь квадратных метров в историческом центре, на набережной реки Фонтанки. И мог бы служить наглядным примером жизненности высказывания «Петербург – город контрастов». За желто-белыми фасадами, налево от Сенной площади, мы с Ласточкой нырнули под арку и перенеслись в какую-то сплошь эклектичную локацию, где совершенно европейского вида чистенькая, только что после реконструкции, гостиница соседствовала с чисто советским двориком, а тополя почти полностью перекрывали доступ света в окна двухэтажного здания, помнившего еще царя-батюшку. Если не Петра Алексеевича, то Николая Павловича точно. Престижным тут было только местоположение – центр все-таки, метро близко, что для меня, учитывая характер Ласточки, весьма актуально. А еще – волшебные пышки из пышечной на углу Гороховой, спасавшие не только меня, но и всех моих товарищей по аренде.

Когда я только-только присмотрела это место, здание наше выглядело удручающе. Но после того, как второй этаж заняла строительно-монтажная фирма с непроизносимой аббревиатурой вместо названия, жить и работать стало гораздо веселее. Кровля засверкала, словно из ниоткуда материализовались водосточные трубы, отливы и даже перила на парадной лестнице, а вместо консервной банки и перевернутого ящика в углу за гаражами возникла цивилизованная курилка. С урной. Но самое главное – исчезли плесень и грибок, этот бич старого фонда. Прочие нововведения богатых строителей на бытие обитателей полуподвального этажа практически не отразились.

Когда-то это была огромная коммуналка, комнат на пятнадцать, а еще раньше, вероятно, здесь обитали слуги какого-нибудь графа. Во всяком случае, мой офис в девичестве вполне мог быть графской кладовкой. От царских времен здесь сохранились остатки лепнины, от советских – угрожающе длинный коридор и внезапные перегородки. «Лихие девяностые» оставили в наследство фирму по установке унитазов и центр ведических практик. Оптовый магазин-склад китайских сувениров открылся в «тучные нулевые», а ИП Говорова, то бишь я, заехала последней, всего лишь год назад. А еще у нас имелся дядя Федор, реликт ушедшей эпохи.

Дядя Федор вместе с потрясающей толщины котом Петровичем обитал в комнате, по сравнению с которой моя кладовка тянула на резиденцию князя Монако. Всезнающие дамы из китайских сувениров сумели как-то выяснить, что в эпоху дикого капитализма дядя Федор умудрился вложить все сбережения до копейки в очередную пирамиду, прогорел и закономерно запил. А протрезвев, обнаружил, что, кроме кота, тельняшки и радиолы «Ригонда», имущества никакого не сохранил. Мир не без добрых людей, и дядя Федор с Петровичем прижились в нашей подсобке, удачно совмещая обязанности дворника, завхоза и вахтера. Сердобольные сувенирные дамы кормили и кота, и нашего пенсионера, ведические практики прирастили дядю Федора к медитациям и индийским благовониям вместо родной «беленькой», а суровые унитазных дел мастера подарили ему телевизор и электрочайник. Чайником он пользовался, а телевизором – нет. Нервы берег.

Мой же вклад в бытие дяди Федора был невелик – я обеспечивала ему досуг. Днем наш на-все-руки-мастер мог в полное свое удовольствие возиться с Ласточкой. Далеко не сразу я, дитя постсоветской эпохи, догадалась, что капризная «четверка» на самом деле – несбывшаяся мечта и счастье всей жизни для бывшего советского инженера. Забегая вперед, признаюсь: как раз дяде Федору Ласточка в итоге и досталась. А ночью, когда обитатель подсобки из завхоза превращался в вахтера, он мог безлимитно нырять во Всемирную паутину прямо из-за моего рабочего стола. Для хорошего человека не жалко. Заодно и на звонки отвечал и вообще всячески рекламировал ИП Говорову редким посетителям.

Тем памятным утром дядя Федор перехватил меня еще на крыльце и, тревожно оглядываясь, предупредил:

– Катерина, там тебя клиент ждет.

Я насторожилась. В голосе человека, который не боялся ни Бога, ни черта, ни пожарного инспектора, явственно звучало беспокойство. А дядя Федор, между прочим, был таким мощным источником позитива и умиротворения, что после двухминутного разговора с ним даже свирепые коллекторы становились ласковыми, словно котята. И чтобы заставить дядю Федора тревожиться... Что ж это за клиент такой?

Этот вопрос я озвучила, рассчитывая, что вахтер, как обычно, в двух-трех фразах даст исчерпывающую и вернейшую характеристику посетителя. Со времен злополучного участия в пирамиде пенсионер отрастил себе потрясающее чутье на мошенников и жуликов. Глянет разок и выносит вердикт: «Мутный!»

– Сама увидишь, – уклончиво отозвался вахтер. – Давай пошустрей, Катерина. Серьезный человек пришел.

– Ты его в офис, что ли, мой впустил?

Я вытаращила глаза. Такую предупредительность по отношению к клиенту я со стороны дяди Федора вообще наблюдала впервые. Воображение тут же нарисовало мне помесь генерала ФСБ с долларовым мультимиллионером, хотя ни бронированного черного автомобиля, ни личного вертолета в пределах видимости не наблюдалось.

– Пришлось впустить, – вздохнул старик.

– Дядя Федя, ты мне чего-то недоговариваешь, да?

Вахтер посмотрел на меня из-под кустистых пегих бровей и вздохнул еще печальнее.

– Иди, иди, не задерживайся. И это... дочка, ты там поосторожней с ним.

Я только плечами пожала, дескать, не вопрос.

Были ли у меня в тот момент предчувствия? Не-а. Ни-ка-ких.

Но этот посетитель мне сразу не понравился. С первого взгляда, с первого слова, с первого... Короче, первое впечатление для меня всегда самое важное и всегда оказывается самым верным. Дело было не в какой-то общей холености, хотя, если разобраться, то ни одежда, ни внешность не выделяли его из толпы. Обычная ветровка, брюки классического покроя, кейс в одной руке, сумка с ноутбуком через плечо. Ни тебе «ролексов», ни выдающих несправедное прошлое татуировок, даже туфли и те не из крокодиловой кожи. Но и на простого смертного клиент не тянул. Хоть вы меня живьем режьте!

– Добрый день! Вы ведь Екатерина Говорова? – спросил незванный гость вкрадчиво, словно примериваясь к прыжку.

– Екатерина Леонидовна, – поправила я на всякий случай. – Кто вы и чем я могу вам помочь?

– Одну секундочку.

Незнакомец белозубо, но не слишком широко улыбнулся в ответ и присел напротив. На стол легла аккуратная визитка некоего общества с ограниченной ответственностью «БТЗ». У моего гостя тоже имелись имя с фамилией.

– Вы и есть Дэ Сидоров? – засомневалась я.

Какой-то он не Сидоров был, честное слово.

– Именно.

Кейс он пристроил возле левой ноги, а ноутбук достал из сумки, включил, и минуты две-три что-то набирал, бесшумно касаясь длинными пальцами клавиатуры.

– Вот! Взгляните сюда, пожалуйста, Екатерина... э-э... Леонидовна.

Платежка клиент-банка была заполнена абсолютно правильно: реквизиты ООО «БТЗ», мои банковские реквизиты и сумма, до копейки совпадающая с той, которую я недавно взяла в кредит на развитие бизнеса.

– Что это значит? – спросила я строго. Чудесным образом мой голос не дрогнул от накадившего откуда ни возьмись утробного страха не столько перед незнакомцем, сколько перед чужими и очень внезапными деньгами.

– Все просто. Я перевожу эту сумму на ваш счет, вы расплачиваетесь с банком и далее развиваете ваш... хм... перспективный бизнес, но уже не на таких кабальных условиях. А взамен...

– А взамен?

– Вы оказываете мне профильную услугу. Все по закону, никаких неопознанных сумм, с которых придется платить налоги, акт выполненных работ, печати-подписи и что там еще нужно для вашей отчетности.

– Это какую такую услугу? – оторопела я.

– Этнотуристическую, разумеется, – этак снисходительно улыбнулся мой визави. – Примерно в тех самых местах.

Он ткнул пальцем в направлении яркого постера, висевшего за моей спиной. На Новгородчине таких пейзажей хоть завались – чтобы и березы, и ели, и речка, и луг, прямо как в русских народных сказках. Избушек на курьих ножках, кстати, тоже хватает, не говоря уж о Бабах-ягах.

– Мы еще не готовы принять туристов, инфраструктура подкачала, – честно призналась я, а затем все же нагло соврала: – Мы планировали открыть сезон с первого июля.

Да, земля уже была куплена, и я договорилась с ребятами, готовыми несколько лет своей жизни посвятить воссозданию всамделишного русского поселения, но заработать моя идея должна была в лучшем случае к Новому году. Я вообще-то большая оптимистка.

– Не имеет значения, Екатерина... э-э... Леонидовна. Мне нужны вы, и нужны в самое ближайшее время. Начиная с завтрашнего дня.

– А иначе что? – Я решила сразу пойти ва-банк. – Вы же понимаете, что ни один нормальный человек, тем паче женщина, на такое сомнительное предложение не согласится. А вдруг вы маньяк-убийца? Бесплатный сыр, сами знаете, где бывает.

Но упрямый Дэ Сидоров не собирался так просто сдаваться.

– Ваши кулинарно-зоологические аргументы совершенно неуместны. Где вы разглядели мышеловку? Я плачу за уникальную в своем роде услугу, вы избавляетесь от банковских оков – все довольны. В чем вы подозреваете подвох?

«Да он идиот!» – мысленно взывала я.

– Например, вы или ваши сообщники можете в любой момент отозвать перевод.

– Сообщники? – изумился Сидоров. – Однако! Я обещаю, что не сделаю и шага в сторону, пока вы полностью не рассчитаетесь с банком.

– Перевод займет некоторое время. Опять же договор...

– Хорошо! А так вас устроит?

Холеный гость резко захлопнул крышку ноута, а затем сверху на него возложил кейс, открыл его и показал мне содержимое – много наличных в банковских упаковках.

– Ровно один миллион пятьсот тысяч российских рублей – настоящих, вчера полученных в Сбербанке. Если выйдем прямо сейчас, то к вечеру вы будете свободны от всех долговых обязательств. Разве это не прекрасно?

У нас с господином Дэ Сидоровым были разные представления о прекрасном, это уж точно.

– А если я просто сбегу? – дерзко бросила я, пытаясь изобразить на лице врожденное коварство. – Прихватив ваши деньги.

– Вряд ли у вас это получится, – сказал нежданный благодетель без тени улыбки.

Мне стало совсем уж неуютно. И в какой-то момент моя рука под столом сама по себе начала нажимать кнопку быстрого вызова Даньки на телефоне. По идее, он должен был уже подъезжать к Питеру.

«Данечка, пожалуйста! Ну, пожалуйста, ответь!» – умоляла я. Но его телефон молчал.

– А что говорит ваша хваленая интуиция, Екатерина Леонидовна? – спросил вдруг гость. – Неужели внутри ничего не подсказывает, что я – безопасный незнакомец?

«Ох! Мне только булгаковщины тут не хватало!»

Хотя, если присмотреться... Нет, Воланда господин Сидоров напоминал в самую последнюю очередь. Скорее Бегемота, если вообразить себе гладко выбритого, тщательно причесанного, но слегка раздраженного кота с кейсом, полным денег.

– Не-а! Ничего такого я не чувствую. А вот здравый смысл только и делает, что кричит во все свое воронье горло: «Держись от этого человека подальше!»

– Но это же смешно...

– Но при этом очень разумно. Не связываться с незнакомыми людьми, предлагающими сомнительные сделки, – это в высшей степени разумное отношение к жизни. Не находите?

Прозвучало, как мне тогда казалось, очень внушительно.

– Не скажите, давние знакомцы тоже могут преподнести неприятные сюрпризы, ведь никто не безупречен.

– Мне всегда везло на хороших людей.

– Везение? Удача? Разве это не решающий аргумент в пользу моего предложения? – Дэ Сидоров даже повеселел. – Считайте, что вам со мной просто повезло. Человеку с деньгами понадобилась ваша... мм... профессиональная помощь, и он готов платить, причем наличными. Удача же!

Я так не думала, а думала я только о том, как бы спровадить навязчивого благодетеля и при этом обойтись без вызова полиции. Потому что Данька на мои звонки не отвечал, из коридора не доносилось ни звука, вездесущий дядя Федор куда-то пропал, а господин Сидоров уже начинал действовать мне на нервы.

– Нет. Спасибо за предложение, я крайне польщена вашей щедростью, – сказала я самым любезным тоном, на который только была в принципе способна. – Но думаю, моя удача мне не изменит, и я не только выплачу кредит, но и разовью свой приятный маленький бизнес.

Высокий и очень гладкий лоб посетителя прорезала скорбная морщина, словно он только что утратил последнюю веру в человеческую добродетель.

– Хорошо, тогда последний шанс, – пробормотал он себе под нос и достал из внутреннего кармана конверт. В правом нижнем углу было каким-то странно знакомым почерком написано от руки «Екатерине Говоровой». Автоматически я его взяла. На ощупь внутри лежал сложенный вдвое лист плотной бумаги.

– Это для вас. Прочитайте, пожалуйста.

Ничего такого ужасного в просьбе не было. Подумаешь, большое дело! Но я никакими силами не могла заставить себя открыть конверт. А вдруг там что-то такое, о чем лучше не знать?

– Нет.

– Что?

– Я сказала четко и ясно: «Нет».

Это было уже обыкновенное упрямство, помноженное на фамильное нежелание подчиняться чужой воле. Нельзя делать что-то наполовину – например, сначала отказываться брать деньги, а затем идти на уступки. Иногда, чтобы попасть в крупную неприятность, достаточно сделать всего один шаг навстречу.

– Ну что ж, – вздохнул Сидоров. – Единственное, в чем люди во все века были наиболее упорны – это в отстаивании своих искренних заблуждений. Давайте сюда письмо! Хватит с вас подарков судьбы.

Он с силой выдернул конверт из моих пальцев, коснувшись кожи. Затем неторопливо закрыл кейс, аккуратно спрятал ноутбук в сумку, забрал бесполезную визитку и, пожелав мне... нет, не удачи, а «всего самого-самого доброго», удалился.

– И вот что это было? – спросила я у актера Джонатана Рис Майерса в образе Генриха Восьмого из сериала «Тюдоры», глянцевого плакат с которым отлично маскировал неэстетичную трещину в матовом дверном стекле. Английский король-многоженец ничего не ответил, но во взгляде его было столько обреченности...

В этот день Данька не появился, и на следующий день тоже. А еще через несколько очень тревожных и бессонных суток я узнала, что мой практически жених, мужчина, с которым я прожила под одной крышей три года и еще два года до этого встречалась, слился вместе с моими деньгами. И с документами на купленную землю, и с моей кредиткой, которую тут же опустошил. В компании с теми самыми замечательными ребятами – энтузиастами этнотуризма, которым я уже выдала аванс. Исчез в неизвестном направлении. Вот гад!

Его родительница повздыхала за компанию, слезно покаялась в провале своей педагогической методы и в мягких выражениях донесла до меня простую народную мудрость: *самадуравиновата*. То же самое, но открытым текстом сказал старший брат моего бывшего суженого-ряженого.

– Слишком добрая ты была, не контролировала его от и до, не воспитывала. А тут такое нечеловеческое искушение, – сказал Саша без тени сочувствия. – Ты, Катенька, сама виновата.

В глазах полицейского сержанта эта самая «самадуравиновата» сверкала и переливалась всеми цветами спектра, ярче полярного сияния. Заявление-то приняли и даже пообещали «искать и найти», но как-то вяло, без огонька. Не убили, вот и славно, скажи спасибо, девочка.

А я вплотную занялась раздуливанием ситуации. В конце концов, мне же всегда везло и тут должно было. Это у нас, кстати, семейное. Не по-крупному, без миллионных выигрышей в лотерею, без богатых заграничных родственников или каких-то иных глобальных подарков от судьбы, а так – всякие мелочи житейские. Вот, скажем, моя маменька, ей всегда везло с мужчинами. Все они ее любили, холили, лелеяли и всячески помогали, даже когда любовь-морковь заканчивалась. С моим папенькой, человеком непростого характера, она и вовсе умудрилась остаться лучшими друзьями. Вот и сейчас мама благополучно обреталась в немецком городе Дуйсбурге со своим последним супругом – милейшим и добрейшим «дядюшкой Дитрихом». Нет, правда, мой немецкий отчим всем своим существованием опровергал замшелые стереотипы о скупых, скучных и подозрительных немцах. Лет пять назад мама твердо пожелала обрести семейное счастье с европейцем, одновременно зарегистрировалась на сайте знакомств и записалась на языковые курсы, и не успела освоить сакраментальное: «*Ich verstehe etwas Deutsch*»¹, как подоспел достойный кандидат в мужья. И стоит ли сомневаться, если моя бабушка вместе с прабабушкой выжили в блокаду? Их удача выглядела, как два мешка с горохом и швейная машинка «Зингер», но сути это не меняет.

Мне тоже везло, но по чуть-чуть, и только однажды я не догнала отъезжающую маршрутку, которая потом попала в ужасное ДТП. Хотя, если подумать, удача мне улыбалась гораздо чаще и ласковее, чем остальным людям. Я проскальзывала в очень узкие щелочки

¹ Я немного понимаю по-немецки.

вероятностей, успевала там, где другие безнадежно опаздывали, инстинктивно уворачивалась от больших и малых бед и думала, что так будет всегда.

Мой оптимизм и вера в себя не угасали почти до октября две тысячи двенадцатого. Я не сдавалась и не жаловалась, я искала Даньку, я работала как ломовая лошадь на трех работах – дневной, ночной и копирайтером каждую свободную минуту. Я умудрилась продать Ласточку дороже, чем ее купила (и откуда у дяди Федора взялись такие деньжищи? Неудобно-то как!). – Я безропотно перешла на чай, хлеб, доширак и куриную кожу, и, наконец, я съехала с квартиры, чтобы сэкономить на аренде. Впрочем, несколько недель активного кочевья по друзьям тоже ничего не решили.

Теоретически место жительства у меня имелось, но практически жить там было невозможно.

«Дом-корабль» – звучит красиво, но любой ленинградец-петербуржец знает, что скрывается за таким звучным названием. Шестисотая серия, будь она неладна! Неистребимый запах тухлых яиц, вечно сломанный лифт, мусоропровод с крысами, черная лестница со следами жизнедеятельности люмпенов, низкие потолки, совмещенный санузел, гнилые трубы и батареи, чья температура чуть-чуть выше, чем у коченеющего трупа. А еще – слышимость. О, этот бич обитателя мегаполиса! Никакие евроремонты не спасали. Чем ни обивай стены, какие потолки ни натягивай, а все равно на первом этаже слышно, как чихают на пятом. Нет, ну, может быть, где-то у кого-то и мусоропровод не заварен, и лифт работает, и лестницу регулярно моют, но наше родовое гнездо относилось к категории жилья, которое застыло в восьмидесятых. Продать или обменять такую жилплощадь было практически невозможно. Даже если потенциальных покупателей и не отпугивали дивные виды и чудные звуки трамвайного парка под окнами, количество жильцов на шестьдесят кв. м площади превышало все разумные пределы. Кроме меня, в трехкомнатной квартирке на улице Морской Пехоты были прописаны: тетя Валя – мамина младшая сестра с мужем Сережей, две кузины – Надя и Оля, обе, по счастью, еще незамужние, двоюродный брат Вадик с женой Люсей (на седьмом месяце), а также пес Тузик и черепашка. Когда на пороге появилась я с кошачьей переноской, кроме Тузика радовалась только кузина Ольга, и то по причине феерического пофигизма. Прочие родственники в проявлении родственных чувств предпочли остаться сдержанными. Конечно, нам нашлось место. Раскладное кресло в комнате кузин стало нам с кошкой пристанищем, но надолго бросать якорь на улице Морской Пехоты было просто неразумно. И очень скоро вопрос встал ребром. Аккурат когда Люся разродилась двойней.

В канун весьма почитаемого дядей Сережей праздника – дня Великой Октябрьской социалистической революции тысяча девятьсот семнадцатого года, я созрела податься в бег. Денег на отдачу долга по кредитной карте у меня уже не было, родственники очень вежливо – как-никак культурная столица, – но настойчиво подталкивали к двери, а впереди отчетливо маячила перспектива близкого знакомства с коллекторами – это неотвратимо, как цунами, надвигался срок погашения процентов по моему главному кредиту. Тому самому, который мне так любезно и настойчиво предлагал закрыть господин Дэ Сидоров в последний день весны, а я так беспечно отказалась. Локти от бесплодных сожалений я уже к этому моменту изгрызла до плечевого сустава, но толку-то? Дэ Сидоров испарился без следа, словно и не было никогда ни его, ни ООО «БТЗ», ни кейса с деньгами. Да, разумеется, я его искала с твердым намерением броситься в ноги и оказать любую услугу, хоть эготуристического, хоть эротического плана.

Меж тем папа честно сказал, что не может пустить меня пожить в его квартиру, жена против, а это ее жилплощадь. Но лыжи займы дал, спасибо ему большущее. Ожидать, когда по месту прописки окончательно созреет революционная ситуация, я не стала – исчезла

на заре, даже не опустошив напоследок хозяйский холодильник. Родне еще долго придется общаться с банком и коллекторами. Впрочем, на этот счет я не слишком беспокоилась. Двоюродный брат Вадик, отслужив на Северном флоте, работал нынче в структуре, которая своих не выдает, и любому коллекторскому агентству способна показать «национальную индейскую избу». Моей порядочности и родственных чувств хватило на то, чтобы прилепить на зеркало стикер с запиской почти предсмертного содержания, дескать, не поминайте лихом, жизнь не удалась, не свидимся мы боле, завещаю кошку Баську вам, дорогие родственники. В случае чего Вадик предъявит мою писульку кому следует, объявят меня в розыск... Это я так себя успокаивала, чего уж там. Но в то, что шансов отбиться от банка у родни всяко побольше, чем у меня, я искренне верила.

А путь мой лежал все в ту же Новгородскую область, в окрестности Чудова, где мне принадлежал никем и никак не учтенный домик в умирающей деревне. Оставила его мне сестра бабушкиного мужа в память о тех летних месяцах, которые я проводила в ее занятом обществе.

Бытие, как говорится, определяет сознание. В оторванной от цивилизации деревеньке, куда добраться можно было лишь на лыжах зимой или на лодке летом, я очень быстро вспомнила, и как топить русскую печку, и как дрова пилить-колоть, и как выживать на подножном корме, почти охотой и собирательством. Охотник из меня был аховый, для собирательства сезон оказался неподходящий, зато рыбацкие ухватки припомнились быстро. Чего тут вдоволь, так это рыбы. Ею немногочисленные местные жители и спасаются. До ближайшей цивилизации – двенадцать километров через лес, единственная власть – егерь, самый подходящий транспорт – лыжи. Средневековье!

Но у меня, едва лишь мой телефон вышел из радиуса приема любых сетей, просто камень с души свалился. Сюда точно никакие коллекторы не доедут. Ни-ко-гда. Даже за полтора миллиона.

Проблема была с едой. Лишний раз показываться на людях мне было не с руки, а прихваченные с собой в рюкзаке припасы, как ни растягивай, а до весны точно кончатся. Но баба Надя (одна из двух обитательниц деревни) пришла мне на выручку. Все-таки тут не только натуральным обменом жили, деньги тоже были в ходу. «До лета полежат, – хозяйственно проверила на просвет и разве что на зуб не попробовала мои последние сто баксов баба Надя. – Лезь, Катька, в подпол, нагребай огурцов, грибов бери из бочки. Муки не дам, и не клянчи, а картошки бери, сколько утащишь». Нагрузив сани припасами, я торила снежную целину, прорываясь сквозь метель к своему пристанищу, и чувствовала себя при этом персонажем поэмы Некрасова. Как минимум.

Умопившись на печи в пятистенке («большую избу» по зиме все равно было не топить), при лучине (электричества-то нет, а свечи экономить надо), я вгрызалась попеременно то в печеную картофелину, то в соленый огурец, запивала колодезной водой – и ревела белугой. Страшила не перспектива застрять в этом медвежьем углу на неопределенный срок (этнотуризм, а?! Полный этнотуризм!), пугала полнейшая безнадега впереди. Но фамильный оптимизм очень скоро пришел мне на выручку. Я же не в Средневековье оказалась, в самом деле, и не в тайге глухой. Крыша над головой есть, люди тоже рядом – каких-то полкилометра до соседки, сама жива-здоровая (нельзя болеть, нельзя). Вот придет весна, и все-все обязательно наладится. Точно. Наверняка. По-другому и быть не может.

Новый год прошел без происшествий, но очень скучно. И если верить примете «Как новый год встретишь, так его и проведешь», то весь следующий год я должна была проспать, словно медведица в берлоге. Не так уж и плохо, если вспомнить, что у косолапых никаких кредиторов не водится, только блохи. День шел за днем, снега насыпало все

больше и больше, мороз крепчал, предвещая Крещение. И тут баба Надя, разговевшаяся² после окончания Рождественского поста, а потому резко подобревшая, безвозмездно поделилась со мной сливовой наливкой, квашеной капусткой и куском сала. Короче, жизнь налаживалась. Небо вызвездило, молодой месяц плыл серебряной лодочкой над лесом, и вообще весна была не за горами, а там и новые планы. Как там у Жуковского? «Раз в крещенский вечерок девушки гадали»?

В самом деле, отчего бы девушке и не погадать, как велит народная традиция, если больше все равно заняться нечем? Богатый, очень любящий и, главное, готовый к незапланированным расходам жених мне бы сейчас не помешал.

Неистребимый оптимизм тоже своего рода диагноз, – раз положено гадать, значит, так и сделаем, решила я. В бане очень кстати обнаружилось старинное зеркало, словно бы специально предназначенное для таинственных ритуалов. Широкую рамку ручной работы с искусной резьбой давно следовало бы отреставрировать, но как-то руки не доходили очистить благородную древесину от вековых наслоений краски. Зато синеватый оттенок от наводки ртутной амальгамой завораживал своей мнимой глубиной и бездонностью. А еще это зеркало было добрым.

Баба Лида утверждала, что зеркала делятся на злые и добрые. В злом даже потрясающая красавица непременно увидит все свои самые незначительные изъяны, и любая дорогая и стильная одежда покажется уродливой, а стройнейшие ноги – кривыми. Добрые же зеркала неведомым способом скрывают недостатки смотрящих в них людей. Глядя в такое зеркало, дурнушка обязательно узрит привлекательные черты, а толстушка – признаки похудения. Конечно, доброе зеркало не заставит исчезнуть седину или морщинки, но явит их не такими уж и пугающими.

Я повертелась перед находкой, в который раз убеждаясь в баб-Лидиной правоте. И так и этак встала. И вполоборота! Не принцесса, может быть, но определенно королевна. И разве ж такая симпатия не найдет себе новую хорошую работу? Да запросто! И не только! Она обязательно заработает много-много денег, отдаст все долги и заживет лучше прежнего. А замуж она выйдет за честного человека, а не за предателя и вора!

Моя самооценка медленно, но уверенно взлетала до небес, и даже черная коса, над которой еще не так давно я в приступе самокритики занесла было ножницы, показалась вполне уместной. Тем паче для гадания с зеркалом, чтобы, так сказать, углубить эффект. Народные традиции – это святое. Тишины и темноты, потребных для обряда, в здешних местах полным-полно, банька протоплена, и все сделано, как положено. По обе стороны от зеркала я свечи поставила в майонезных банках вместо отсутствующих подсвечников, второе зеркало, поменьше и поновее, – напротив баб-Лидиногo раритета, а сама в старую ночную сорочку нарядилась, никаких поясов и резинок от трусов. Осталось волосы по плечам распустить, и хоть сейчас на иллюстрацию в школьную хрестоматию.

Настраивать зеркальный коридор нужно тщательно, приговаривая: «Суженый, ряженный! Покажись мне в зеркале!» И когда в тусклом мерцающем свете откроется проход в бесконечность, сидеть смирно и ждать, вглядываясь в синеватое дрожащее марево. Сначала чудилось, будто не свечи горят, а трепещут огненными крылышками бабочки, кружатся в лихой пляске и уносятся вдаль, хихикая и перешептываясь. Затем вдруг резко запахло смолой и дегтем. А потом суженый-ряженный возьми да и появись! И не кто-нибудь, не добрый молодец, а лично господин Дэ Сидоров! Стоял, понимаешь, и гнусно усмехался. Я глазам своим не поверила, придвинулась ближе и случайно коснулась зеркальной поверхности, а Дэ Сидоров ка-а-ак схватит меня за руку, как дернет на себя. Я не успела крикнуть ритуальное: «Чур с сего места!» – и утянуло меня доброе зеркало в свои глубины, точно в омут.

² Разговеться – у православных по прошествии поста поесть впервые скоромной пищи (*церк.*).

Вот вам и крещенский вечерок, девушки!

Глава 2

О дивный новый мир!

*Диху, сын Луга, и Иван, Дмитриев сын
из рода Корецких*

– Ты закусывай, друже, закусывай! Заедай ее, родимую... Ну-тка, капусткой вон похрусти! Чего рожу скривил? Аль не ладно?

– Лад...но, – с трудом выговорил сид, осторожно вдыхая и выдыхая. Огня из глотки не выдохнул – уже хорошо, хотя казалось, что еще чуть-чуть, и превратится сын Луга в нату-рального дракона. Каковые твари Народу Холмов родичами никогда не были, к слову.

– Сколько лет вас знаю, а все не привыкну, – послушно похрустев закусой, признался Диху. – Чего только не пил, чего не едал, а чтоб медовуху капустой...

– Это не медовуха. – Товарищ его по застолью бережно поднял стеклянную рюмку, каких и у иных королей не водилось, и ласково полюбовался напитком. – Это – зелено вино! А ежели тебе по-латински привычней, так аква вита, сиречь вода живая. Различать уж должен, чай, не отрок.

И усмехнулся в бороду, лукаво щуря светлые глаза.

Диху, которого почитали покровителем очага и горна столько веков, что у приветливого хозяина пальцев не хватит перечесть, на поддразнивания не обижался. По человеческому счету знаком он был с боярином Корецким уже давно, еще голозадый младенцем в колыбели его видал, а с бабкой его, знаменитой посадницей Марьей, тоже в свое время имел и застолья, и беседы. Доводилось и выручать, как без этого. А теперь вот Иван Дмитриевич должок отдавал: приютил, в бане попарил и аква витой под капустку потчует.

– Эк вывездило! – Хозяин протопал к двери и приоткрыл ее, впуская в предбанник морозный воздух. – Хороша ночка! Айда в прорубь, гостюшка?

– Дверь прикрой, по полу ведь тянет. – Сид поджал босые ноги и поежился. – Мне ничего, а ты и слечь можешь, друг Айвэн. И охота тебе речных дев будить посреди зимы? Или, как у вас говорят, седина в бороде?

– Это да-а, – поскреб боярин затылок и хмыкнул смущенно. – Есть маленько. Так ведь русалки... – И плавно повел руками, обрисовывая нечто вроде песочных часов. – Справные девки, хоть и нечисть навроде тебя.

– Вытаскивать не стану, – предупредил сид. – Одного раза мне хватило, тогда еще. И уж поверь моему опыту, ежели дева в реке нагишом резвится, то лучше всего отвернуться и там ее и оставить.

– Э, да ты совсем с лица спал! – Вернувшись к столу, Иван Дмитриевич заботливо налил гостю в опустевшую рюмку. – Вспомнил чего? Так Расскажи, облегчи душу-то.

– Душу! – Диху, уже не морщась, хлопнул рюмку и занюхал щепотью капусты. – Вот ты, друг мой Айвэн, грамотный, читать обучен, значит, должен знать, что у Народа Холмов души нет. Во всех ваших книгах так написано.

– Так мало ли, кто и где чего пишет. Некоторые и на заборах горазды, что ж теперь, всему верить? – подмигнул новгородец.

Не сказать, чтобы Корецкого так уж сильно интересовали байки его бессмертного гостя, однако ж надо как-то разговор увести от русалок подальше. Сам ляпнул про прорубь, не подумавши, а сид мигом дал понять, что его племя и впрямь ничего не забывает. Хотя и смертный человек не запомнил бы, если б довелось ему вытаскивать Ивана Дмитриевича, тогда еще юнца безусого, из омута за шкирятник, от водяной нечисти вызволяя. И через двадцать годочков припомнил бы.

В пахнущие тиной объятия речных девок тогдашний Ванька угодил по собственной дурусти. Оно ведь как бывает? Соберутся парни, и давай похвалиться друг перед дружкой удалью да молодечеством, и за гоготом жеребьячим разве поймешь, кто правду говорит, а кто только прикидывается? По речам да шуточкам выходило, что во всей ватаге только Ванька Корецкий еще девок не щупал. Разве ж боярский сын стерпит насмешки?

Не стерпел, вестимо. Слово за слово, ударили по рукам, и вот уже парень, озираясь да пригибаясь, чтобы бабки, Марьи-посадницы заспинники, не углядели и не словили, утек на реку, да аккурат к Девичьему затону. Накануне Ивана Купалы – самое место, чтобы нецелованным парням гулять, конечно. Девичий затон ведь потому Девичий, что испокон веков там порченые девки топились, чтобы потом выходить на берег по ночам кровожадной нежितью и неосторожных мужиков, врагов своих извечных, на дно утаскивать. Если все так говорят, так что ж не верить?

Поначалу Ванька храбрился: сказывалась гордость задетая, да и чарка, принятая для смелости, тоже помогала. Но как только из прибрежных кустов заметил он, как мелькнули над темной водой белые, полупрозрачные в лунном свете, тонкие руки, как услышал лукавые смешки и тихое девичье шушуканье, так и отпрянул, холодным потом прошибленный. Отпрянул, да не ушел. Потому что ноги к влажному песку приросли, когда вышла из воды, раздвигая заросли камыша и рогоза, девка, краше которой на всем свете не сыскать. Повела белыми плечами, упругой грудью качнула, тяжелые волосы за спину откинула – и показалась онемевшему Ваньке вся, от венка на макушке до маленьких пальчиков на ногах.

– Ну что же застыл, глупенький? – мурлыкнула нежить речная и рукой белой поманила: – Иди же ко мне.

И боярский сын Корецкий пошел на зов, себя не помня. И даже когда теплая вода сомкнулась у него над головой, не пожалел ни чуточки...

...Очнулся на песке, от тины отплевываясь и скуля. Грудь горела, горло жгло, в глазах пятнами мельтешило то лицо ее бледное сквозь темную воду, то очи, грустные, будто осенние звезды. Но хуже всего пришлось Ванькиным ушам. Полыхали уши огнем, словно их только что чуть с корнем не вырвали. Потому не сразу расслышал парень страшную ругань матерную, которой его, чуть живого, кто-то от души поливал, а когда расслышал, то и половины слов не понял.

Проморгавшись, Иван рассмотрел, что над ним возвышается смутно знакомый мужик, по виду колдун, а на рожу так чисто ворон. Длинноволосый, глазищи зеленым огнем полыхают, а платье черное, латинского кроя, мокрое насквозь, так что течет с матерщинника ручьями, и даже с кончика носа капает.

– Прочухался, тупое смертное отродье?! – рыкнул он, и в этот миг Ваня узнал непрошеного спасителя. Выволол парня из омута не кто иной, как немец Тихий, бабки Марьи старинный знакомец. А может, и не немец, их поди разбери, инородцев этих. Кто говорил, что посадница с ведуним латинским дружбу свела, а кто – что так и вовсе с нечистью. По правде сказать, на нечистого Тихий походил изрядно, особенно когда вот этак зыркал. Однако ж известно, что нечисть матерного слова не переносит и от крепкой ругани бежмя бежит, а этот, поди ж ты, знай себе поливает Ваню бедного и по-русски, и по-латински, и даже, кажется, татарские словечки вставляет.

– А?

– Значит, живой, – осклабился иноземец и безжалостно наподдал парню под зад ногой в мягком степняцком сапоге. Говорил Тихий, кстати, совсем без акцента. Видать, на людях прикидывался немцем безъязыким, а сам по-русски так и шпарил, будто по писаному. – А раз живой, так и вали отсюда, пока цел. Давай-давай, двигай.

– А как же... – Ваня растерянно оглянулся на реку. Над водой качалось бледное лицо давешней русалки, и темные ее волосы струились по мелким волнам, будто водоросли. – Ты... эта... не обижай ее. Невиноватая она!

Свирепый колдун вдруг подобрел лицом и брови этак вздернул.

– Вот как? Она невиноватая, ты сам пришел? Любопытно... – И улыбнулся кривовато. – Не бойсь, отрок, ничего я ей не сделаю. А с тобой... потом поговорим. Имя мне Диху, сын Луга, и ты у меня в долгу, смертное дитя. А теперь пошел отсюда! И не оглядывайся.

И Ваня пошел. А что делать? Когда так посылают, лучше идти. Но не выдержал, оглянулся уже из кустов, чтобы увидеть, как русалка безбоязненно выходит на берег к ведуну, скромно волосами прикрывшись, а тот приветственно протягивает ей руку и говорит что-то мелодичное, журчащее и совсем-совсем нечеловеческое...

Наутро бабкин гость ни словом не обмолвился о ночных приключениях юноши, но никто из Корецких не любил долго быть в долгу, и поэтому Ваня сам искал случая встретиться с загадочным колдуном. Безуспешно, впрочем. Но когда боярский сын вдруг понадобился Диху-Тихому, тот сам его нашел. Правда, случилось это спустя немало лет, и вышло так, что не Ваня расплатился с сидом, а напротив, еще больше ему задолжал...

А с нечистью из Девичьего затона Иван Дмитриевич с тех пор жил настолько дружно, что как-то лунной ночью одна из русалок даже со смехом рассказала ему, как именно колдун из Народа Холмов расплатился с речными девами за жизнь отрока Ивана. Всю ночь расплачивался, да и еще две прихватил. Да так тем девам расплата запомнилась, что они опосля на смертных пареньков и глядеть не хотели, все по заморскому гостюшке вздыхали.

Конечно, дружба с потусторонними силами боярину Корецкому несколько раз едва не вышла боком. Хотя Диху весьма успешно прикидывался бриттским мудрецом Тихим, а русалки из своего затона почти не показывались, все равно в народе поговаривали, что Иван Дмитриевич с нечистью знается. А уж сколько сплетен заплели острые бабьи язычки, когда померла жена его Степанида, а вдовый боярин стал зааживать к живущей на отшибе молодухе, которая вскорости Прошку понесла! Молва бедную Заренку тут же окрестила и ведьмой, и русалкой, и даже кикиморой. И ворота ей дегтем мазали, и красного петуха подпускали, и вслед плевали, не без этого. Так что когда Бог Зарену прибрал, Иван Дмитриевич озлобился и вызверился, жил бирюк бирюком. Разве что к девкам речным иногда наведывался, но по-солидному, без баловства. А потом все же таки оттаяло сердце, и проросли в нем сыны, Степка-наследник и Прошка-байстрючонок, будто два первоцвета. А там и Диху вдруг нагрязнул, словно накликаемый...

– Так что у тебя там с бабами-то вышло? – Очнувшись от воспоминаний, встрепнулся боярин и обнаружил, что бессмертный уже штоф с аква витой не то что ополовинил, а на две трети вылакал. Капусту тоже подъял, а теперь уже к сигу копченому подбирается. – Ты закуску-то побереги! Все одно не в коня корм: ваше племя и без закуси не пьянеет.

– Побасенки, – фыркнул сид, кося зеленым глазом на миску с солеными рыжиками. – Кто, по-твоему, научил гойделов пиво варить?

– Не юли, идолище поганое! – шутливо погрозил хозяин пальцем. – Я тебя приютил, накормил, напоил и в баньке попарил. Теперича ты, нечистая сила, мне сказ сказывай.

– От вас, смертные, не отвяжешься. – Диху вздохнул и облокотился о столешницу, голову рукой подперев. – Ну, слушай, коли охота. Было это... давно, короче, было, ваше племя тогда еще с дубинами бегало. Один, в ту пору еще молодой, воин... Ладно, не смотри так! Хорошо, я охотился в холмах, устал и задремал среди вереска. А когда проснулся, увидел, что в реке плещется дева, красоту которой нельзя описать словами. Я... э... поспешил ей на помощь, решив, что несчастная тонет...

Почему-то сын Народа Холмов начал запинаться, то ли от выпитого, то ли еще от чего другого. Его поди пойми, сида этого.

– Слушай, ну ты дал! – хохотнул боярин, заслужив злобный взгляд бессмертного. – Это где ж видано, чтобы ваши – и вдруг тонули?

– А я говорю, что поспешил ей на помощь! – отрезал Диху. – Человек, ты совсем дурак или только прикидываешься?

– Понял-понял! – Тот успокаивающе поднял руки. – Не яришь ты так! Что ж я, сам не мужик? Ясное дело: раз девка в речке барахтается, значит, щаз потонет, и надобно ее вытащить. Потому как баба есть кура безмозглая, и только по дурости своей извечной может в омут сунуться... Дальше-то что было?

– Тебе в подробностях? – ядовито осведомился сид. – Дальше... потом, после того, как я ее... э... изловил, мы возлегли.

– И?

– Что – и? Я заснул, она ушла. Откуда мне было знать, что это была Кайлих, дочь Ллира, сида Неблагого двора?! – взорвался Диху и осекся, рот ладонью прикрыв.

– Ты чего? – насторожился боярин. – Ты чего встрепенулся весь, будто зверь лесной?

– Да чтоб тебя вместе с твоим пойлом, смертный! – прошипел сид, отмахиваясь и вслушиваясь. – Надо же было так по-глупому...

– Боишься, что услышит?

– Боюсь, – помолчав, признался бессмертный. – Мы... нехорошо расстались. Потом. После всего.

– Так ты от нее, что ли, прячешься? От бабы?

– Ты не понимаешь, о чем говоришь, Айвэн. От этой женщины спрятался бы и дракон. Или ты думал, что я застрял здесь, – он скривился и обвел широким жестом баню, подракумевая мир людей, – от большой любви к вашему племени? Мало того, что я нажил себе врагов среди Благого двора, так и весь двор Неблагой алчет моей крови. Уже без малого тысячу ваших лет.

– Ну... – Боярин задумчиво погладил бороду. – Ну, что тут скажешь. Бабы, они мстительные бывают, это да-а... Но ты бы все-таки сначала у ней имя спросил, а потом уже... возлегал.

– А это я теперь уже и без тебя знаю.

– Давай-ка выпьем, друг Тихий, – предложил Иван Дмитриевич. – Теперь-то ясно, чего ты шныряешь по миру, то туда, то сюда.

– Наливай! – махнул рукой сид. – Как вы это говорите... семь бед – один ответ, да?

– Ну, вот это речи воина и мужа! – обрадовался хозяин и только-только потянулся под лавку за новым штофом, как сотрапезник его совсем прямо по-собачьи наострил ухо и палец воздел в знак пущего внимания.

– Ты чего это?

– Погоди, Айвэн! Чую, дело у меня сейчас сладится, ради которого твой покой нарушил. Сейчас вернусь, все расскажу и покажу.

С чутьем сидским кто ж спорить будет? Никто.

Диху на плечи накинул доху и вышел, а Иван Дмитриевич подумал и налил себе еще чуток аква виты. Чтобы скрасить ожидание, не более.

Кайлих, дочь Ллира

Зима года, в Землях-над-Холмами именуемого летом Господним 1484-м, выдалась настолько суровой, что даже в сокрытой от глаз людских Стране Холмов ощущалась ее тяжкая поступь. Глубокие снега укрыли зеленые холмы блаженной Эрин, звезды, острые и яркие, как алмазы, сверкали над горами Альбы, морозный туман оседал толстым слоем

иней на каменных стенах британских замков. Королевства по обе стороны Пролива притихли, и казалось, что сама земля замерла на полувздохе, завернувшись в снежный покров, будто в саван.

Тяжелый выдался год. Для смертных, конечно.

Здесь, под надежными сводами бруха Кайлих, дочери Ллира, суровому дыханию зимы мира людей противостояло кое-что посерьезнее древних чар. Кайлих хватало собственного огня, причем с избытком, и при желании сида могла бы устроить оттепель половине Альбы. Впрочем, она не желала. Нынче редким путникам не грозят лавины и камнепады, лишь бы не упоминали даже шепотом имя Кайлих, Синей Старухи с Гор, не тревожили ее слух ни проклятиями, ни мольбами.

Пусть себе живут. Не до них.

Кайлих потеряла виски и с едва заметным усилием стерла с клубящейся живой поверхности Дымного зеркала тот облик, в котором изредка шутки ради являлась смертным обитателям гор и долин Альбы. Едва прикрытое растрепанными прядями длинных белых волос костлявое тело с пустыми мешками иссохших грудей, болезненно-выпуклым животом и суставами, распухшими от старческих недугов. Синюшная кожа, желтые искривленные ногти и бородавки конечно же. Ходячие по горным тропам неупокоенные мертвецы, чьей повелительницей считают Синюю Старуху, и те краше. Это если не рассматривать лицо, которое... О! Ни у бриттов, ни у скоттов в языках не найдется слов, чтобы описать его! Даже самые сладкоголосые из Народа Холмов утратили дар речи, когда Кайлих показалась в этом облике на пиру меж кострами Самхайна. Отважная Маха метнулась в поисках копья, грозная Бадб выругалась по-гойдельски, и даже Морриган каркнула что-то неодобрительное. В общем, ни эти вырожденцы, именующие себя Благим двором, ни даже сиды двора Неблагого шутки Кайлих не оценили. Ну и пусть их! Пусть их всех! Все равно того, ради которого дочь Ллира примеряла устрашающий облик Горной Старухи, не было среди блестящего собрания Народа Холмов. Только лишь для наглых глаз Диху, сына Луга предназначался этот наряд, только лишь для него – предателя, отступника, неверного! Чтобы ужаснулся, чтобы устрасился, чтобы, как говорят в Эрине, «иссохли его почки доблести». И все прочие достоинства отсохли тоже! И в тот счастливый день, когда он, обессилевший и беспомощный, окажется в руках Кайлих... Дочь Ллира до крови прикусила тонкую губу и в который уже раз поклялась себе, что в тот день и час Диху Мак Луг познает сполна все, что по его вине выпало на ее долю. Все унижения и пытки, какие только способен измыслить разум женщины, вот уже без малого тысячу земных лет жаждущей мести. И даже сверх того! И Синяя Старуха покажется ему доброй матушкой, ибо в тот день Кайлих будет еще страшнее! А затем, после того, как она выпьет его силу, отберет остатки удачи и оставит трепыхаться беспомощной оболочкой, как высосанная пауком муха... О, тогда! Тогда Диху увидит, что не ему соперничать с Кайлих Семи Битв ни в мести, ни в мудрости, ни в отваге. Пусть поглядит, как именно у нее получится совершить то, в чем он клялся, то, о чем он лгал.

Знал ли объект столь страстных и кровавых грез о планах мстительной сиды? Разумеется, знал. Вот и прятался от ее взора, скрывался и, подобно зайцу, уже который век петлял и путал следы. Спору нет, миры людей год от году становятся все более надежным убежищем для сиды, который очень не хочет, чтобы его нашли. Планы бытия расходятся медленно, но верно, и лишь в особенные дни ищущий взгляд Кайлих замечал тень от тени Диху, мелькавшего то тут, то там. Да еще по праздникам, когда ни одному сыну Холмов не скрыться от родичей. Но прошел и Самхайн, и Йоль, а до Имболка оставалось еще столько дней, что дочь Ллира извелась в нетерпении и решила, как и прежде, поискать наудачу. Несколько раз ей почти везло, и она буквально натыкалась на следы колдовства Диху – ему, такому осторожному, все равно приходилось время от времени обращаться к магии. Как иначе сиду выжить среди людей, далеко не всегда дружелюбных?

Но следы добычи – это еще не сама дичь, уже освежеванная и разделанная, верно? И метаться то в Британию, то в какой-нибудь Неаполис, чтоб ухватить лишь воздух, свистнувший из-под пяток изворотливого сына Луга, недостойно Кайлих. Вот если бы он хоть где-нибудь осел надолго, хотя бы на десяток земных лет... Увы, Диху, прекрасно осознающий опасность, на одном месте долго не задерживался и, мелькнув миражом в Аравийской пустыне, вполне мог объявиться затем за Великой стеной царства Мин. Он такой, он прыток весьма и дерзок изрядно. Но ни прыть, ни дерзость не спасет его, нет, не спасет.

Позволив мечтательной улыбке на миг осветить ее сумрачное лицо, Кайлих нетерпеливо прищелкнула пальцами, изгоняя из Дымного зеркала отражение себя истинной, и жадно уставилась в клубящуюся серую мглу.

Прошка

Сначала, когда единокровный братец принялся подговаривать на то, чтобы на пару спрятаться в кладовой и поглазеть на скоморошье представление, Прошка отказался наотрез. Дескать, чего он там не видел и не слышал? Похабных частушек, что ли? Так он и сам такого насочинять может, что у взрослых мужиков уши повянут.

– Ничего, после медовухи самое то будет, – не унимался Степан.

– А ты и запаса уже?

– Не-а, тебя ждал. У тебя всегда сподручнее выходит стянуть, что лежит плохо, – простодушно признался братец. – А я место знаю козырное. Видно и слышно все, а никто не заметит.

Прошка даже не удивился. Оно ведь так и считается, если уродился ты чуток смысленнее остальных, стал быть, записной ловкач. Но и ссориться со Степкой не хотелось. Начнешь отказываться, сразу же заподозрит в еще более хитром умысле, и тогда от приставучего отрока уж точно ни спрятаться, ни скрыться.

– Хорошо. Покажи мне, где притаиться надумал, а я, как кувшин сопру, так сразу к тебе приду, – молвил Прохор с видом смиренным и весьма заинтересованным. – Чудить так чудить.

Тот покочевряжился, но быстро сдался и показал свой тайный схрон от зоркого дядькиного ока и крепкой отцовской розги. На уме у Степана Ивановича всегда только гульки были. Ну, а крайний год – еще хмельное и девки.

Но в последний момент паренек спохватился и решил уточнить:

– А не обманешь? Ну-ка, побожись.

– Да вот тебе... – Прохор сделал вид, будто руку занес для знамения, и вдруг делано вислопошился: – Ох ты! Дядька Андрей зовет! Будет мне сейчас нагоняй.

И умчался прочь, словно листочек, ветром гонимый.

С конюхом, мрачным и нелюдимым, как сыч лесной, московичом, паренек никогда особо не ладил и по доброй воле сроду бы с ним не заговорил, но сейчас тот появился очень вовремя. И не только от Степкиных выдумок спас, но и от неминуемого клятвопреступления. Потому как на вечер нынешний у Прохора были свои планы, ничего общего с ворованной выпивкой в компании со сводным братом не имевшие. Напротив, замыслам юноши, если и судилось сбыться, то аккурат сегодня. Завтра уже поздно будет. Торговый обоз двинет в Тверь и увезет к великокняжескому двору то единственное, чего Прошке не хватало для проверки своего нового изобретения.

Юноша сильно рисковал. Дознайся родитель, что он хоть пальцем притронулся к зеркалу, из самого Мурана привезенного, шкуру бы вожжами спустил. Но без ростового зеркала никак нельзя, а полированное серебряное блюдо не подходит, хоть убейся. Мнилось, будто так и сгниет хитрый механизм, не показав Прохору дальних стран, как обещано

было в грамотке, которую отцов закадычный друг, бритт Тихий, у венецианца-чаровника в кости выиграл.

Сын далекого заморского острова сразу сказал, что без настоящего зеркала от всей премудрости пшик один выйдет. Но Прошку настолько захватила сама идея дальнего зрения, что он на свой страх и риск построил штуковину, от одного вида которой его самого в дрожь бросало. И не столько от обилия шестерней и валков, сколько от перспективы посредством оных увидеть из Новгорода, скажем, эринский Дублин или даже... Рим. Для того и потребно было драгоценное зеркало.

Оно, зараза, не только красивое, но еще и такое тяжеленное оказалось, что у парня чуть пупок не развязался, пока дотащил его в сарай и установил в правильной позиции – передом строго на закат. Заодно Прохор рассмотрел свое отражение в неизвестных до сих пор подробностях, обнаружив, что веснушки у него почти незаметные, и уши не шибко лопухастые, а глаза и вовсе натурального василькового, столь любимого девками, цвета. Короче, от изделия муранских стекольщиков много пользы должно было получиться.

Но вышло как всегда... Чего-чего, а самоуверенности Прошке занимать не приходилось. Без нее любому механику вообще жить нельзя. Как и без храбрости. Иначе чертежи и замыслы Великого Флорентийца так и остались бы красивыми рисунками и безумными идеями, и никогда не посягнули бы смертные люди-человеки на Силы Природные – Летучие, Плавающие и Зрючие.

Ледяными и чуть подрагивающими от волнения пальцами Прохор завел ключиком машину, а когда та вдруг возьми и заработай – точь-в-точь, как в венецианской грамотке сказано, испуская через медные раструбы яркий свет в разные стороны, – чуть замертво не рухнул. От восторга и гордости, само собой. Еще бы! Лишь в Киев-граде мастер по Зрючей Силе обретается!

И кабы не заплескалось в зеркальных недрах мягкое свечное пламя и не проступил чей-то бледный лик, то утекли бы все Прошкины мысли в собственную блистательную будущность, где звать его будут уважительно Прохором Ивановичем и величать Новгородским Зрючим Мастером. Эх, мечты-мечты!

Двух вещей не предусмотрел будущий Великий Зрец. Во-первых, что видящий луч его чудесной машины угодит прямиком в какую-то глупую девку, а во-вторых, заморскую хитрость батюшкиного немца Тихого. Первая была чистой случайностью, вторая, к сожалению или к счастью, спланированной загодя предопределенностью. Тихий выждал момент, подкрался бесшумно, точно тать ночной, и с нечеловечьей ловкостью выхватил ту девку из зеркала. Прошка видел однажды, как отцов человек, Андрюха-Лютик, рыбу голыми руками в речке ловил. Замрет на несколько мгновений с занесенной рукой, прицелится, а потом – хватать! И вот уже бьется на травке глупый щуренок. Лютик говорил, дело в быстроте. Кто быстрее, тот и сыт бывает.

Вот и у Тихого улыбка была довольная-предовольная, когда он девку зазеркальную изловил.

Так и сказал:

– Попалась!

Катя

Когда ты со всего маху падаешь плашмя с высоты собственного роста, рискуешь здорово ушибиться коленками и локтями. Это нормально и закономерно, и это единственная норма, которая случилось со мной по ту сторону баб-Лидинового зеркала. Остальные события не поддавались никакому логическому объяснению, ибо ничего общего с реальностью не имели. Начать хотя бы с того, что люди сквозь зеркала, точно через двери, не ходят.

Но даже если темная конура, наполненная резкими запахами, грохотом и всполохами ярчайшего света, где я очутилась, и называлось Зазеркальем, то какое-то оно было неправильное.

Перво-наперво, господин Дэ Сидоров, без спросу затащивший меня в... Куда?

– А?

– Помолчать можешь пять – десять минут? – спросил он и всем лицом изобразил настоятельную просьбу. – Заткнуться и ни слова не говорить, пока я разберусь с хозяевами.

Я согласно кивнула. Я же не дуручка, чтобы скандалить и качать права. Любое живое существо, попав – уточним, внезапно попав неведомо куда, – первым делом замирает на месте, осматривается, а затем быстро-быстро ищет укрытия. Убежища, если угодно.

Сидоров одобрительно ухмыльнулся, словно бы говоря: «Сейчас я твое единственное убежище».

Молчать всегда полезно. Заодно я оценила световое шоу, устроенное подростком, который был сильно недоволен итогом. Моего появления он не ожидал, это точно. Ах, если бы я еще и понимала, о чем так тревожится абориген! Этот язык хоть и очень походил на русский, но разобрать я сумела лишь отдельные слова и междометия. Кроме того, парнишка одет был как-то очень... этнографично. Длинная рубаха, нательный крест, какие-то былин-ные сапоги...

«Где я? – ужаснулась я невольной догадке. – Нет! Этого не может быть! Машины времени не существуют!»

Меня прямо в жар кинуло. Рядом со мной стоял директор ООО «БТЗ» в дохе и полотняных поношенных штанах, которые я мысленно тут же обозвала «портками».

Рассудок категорически отменил всякую фантастику с машинами времени, настроившись на поиск нормального объяснения всего происходящего. Например, все это просто сон, обыкновенный сон перенервничавшей молодой женщины, которая совсем недавно пережила серьезный стресс...

Господину Сидорову Дэ вдруг стало не до разборок с тинейджером, он протянул руки в сторону зеркала и пропел что-то на редкость немзыкальное на совершенно незнакомом языке. И стоило бросить на зеркальное полотно взгляд, как у меня чуть волосы дыбом не встали. С той стороны, откуда меня совсем недавно извлекли, медленно вращался синевато-сизый водоворот, то и дело вспыхивающий золотыми искрами. Затем гладкая поверхность зеркала пошла мелкими волнами и начала выпячиваться пузырем, грозя разлететься облаком смертельных осколков. Выглядело жутко, но, похоже, только меня одну тревожил неминуемый взрыв. Подросток что-то быстро лопотал на квазирусском наречии, Сидоров производил свои манипуляции без малейших эмоций, словно с ноутбуком работал.

И тут в сарай явился мужчина с правом решающего голоса – здоровяк в исполинской шубе, надетой прямо на голое, распаренное тело. И только теперь, на его фоне, стало ясно, что Дэ Сидоров – поджарый, как гончий пес, узколицый и черноволосый, а потому абсолютно нездешний.

– Ты что ж это здесь учинил, гаденыш? – грозно спросил бородач, на которого мальчишка был, кстати, очень похож. – Ужо я тебя!

Ну, по крайней мере, так я поняла его слова. А и в самом деле, какой еще вопрос мог задать родитель, застав отпрыска за небезопасной для себя и окружающих шкодой?

Бить мальчишку он не бил, но ругал страшно. Тот, в свою очередь, не стушевался, как мог отгавкивался, закрывая на всякий случай собственным телом странный механизм и зеркало.

На меня грозный хозяин только зыркнул бешено и выкрикнул что-то вроде: «Тьфу! Сгинь! Изыди!»

«Тьфу» – это понятно, «сгинь» тоже вполне по-русски. Нехорошие предчувствия крепили во мне с каждым мгновением.

«Сейчас забьют колями или сожгут, как ведьму! Или у нас не жгли?..»

Память услужливо подсказала, что европейская практика аутодафе на российской почве не прижилась, но от этого не стало легче. Тонуть в проруби с жерновом на шее мне тоже не хотелось.

Никто здесь моему появлению не обрадовался. Кроме полуголого брюнета Сидорова. Тот, напротив, расплылся в радостной ухмылке. Теперь бы еще забыть его возглас «Попалась!», и то, с какой бешеной яростью вспыхнули его зеленые глаза в этот миг.

– Слушайте...

Я вовремя спохватилась, но настойчиво теребить пустой рукав сидоровской дохи не перестала. Пусть хоть на минуту отвлечется от пререканий с бородачом и его отпрыском и вернется к реальности, в которой кое-кому пора бы уж и домой. Либо вернуться, либо проснуться.

Зеркало уже давно перестало пузыриться и выглядело вполне мирно, чтобы...

– Эй! Как я теперь домой попаду?

– Пока никак! – отрезал чертов заклинатель зеркал.

Он ловко накинул на меня свою доху, крепко сжал и поволок куда-то в полнейшую неизвестность.

Диху

Как дракон чует золото, сборщик податей – лишний грош в кубышке обывателя, а муха безошибочно летит на... э... мед, так и сын Холмов, вся суть которого пропитана магией, сумев разглядеть это существо сквозь толщу времен и миров, пренебрег таким скромным препятствием, как стекло, покрытое амальгамой. Настоящая эмбарр, живая, вот прямо здесь – только руку протянуть! Он и протянул. Это ежели поэтично, а если попросту – то его личный амулет на удачу. То, что нужный артефакт, в смысле образец, из плоти и крови, не слишком хорошо, но не так уж существенно. По сравнению с множеством достоинств такой недостаток, как принадлежность артефакта к людскому роду и женскому полу, не стоит даже упоминания. Нюансы всегда есть, равно как и побочные эффекты.

Другое дело, что, будучи живой и весьма своевольной, дева-эмбарр попыталась воспротивиться своей судьбе, но на то ведь и даны Народу Холмов изворотливый ум и ловкие руки, чтобы непослушные артефакты вылавливать из пространственно-временных потоков, что твою форель из ручья, верно? И Диху тоже не оплошал: все подгадал, всех построил и вовремя поймал добычу. Честь ему и хвала!

И ведь не сказать, чтобы этакое сокровище свалилось в загребущие руки сида без труда, одно только окучивание боярского бастарда потребовало и сил, и средств. Мальчишка оказался чересчур смышлен, чтобы действовать напролом. Но вода точит камень, а слово сида – души смертных. К счастью, эти создания жадны сверх всякой меры, сами плывут в сети любопытства. Натура у них такая.

Может быть, именно поэтому девица в первый раз уперлась, подумалось Диху. В любом случае все вышло так, как вышло. И не случись поблизости отягощенного проблемами сида, то в невеликой повести ее жизни очень скоро была бы поставлена финальная точка, и тогда... О таком лучше не думать. Вот Диху и не задумывался о последствиях, когда всей доступной ему силой запечатывал проход между мирами. А задуматься стоило бы. В результате драгоценное зеркало безнадежно испорчено, а эхо от чар изгнанника прогремело не хуже горного обвала, наделав магического шума во всех сопредельных мирах. И если Кайлих услышала, а она весьма чуткая особа, то дева-эмбарр очень скоро ему пригодится.

Что касается мальчишки... Диху почти на полном серьезе присоветовал удрученному родителю оторвать шаловливые руки, подправить немного и приделать в нужное место,

а не туда, откуда они растут сейчас. И ничего смешного: среди Народа Холмов имелись умельцы, что и голову могут прирастить умнее прежней, а руки-ноги – это так, рутина...

– И что это было? – спросил боярин, вваливаясь в баню и сурово меряя взглядом задумчивого сида, который пригорюнился на лавке, предусмотрительно прижав локтем сверток с добычей. В жестких пальцах Ивана Дмитриевича было крепко зажато ухо его отпрыска Прохора, а сам обладатель уха, извиваясь от боли, приплясывал и тихонько скулил.

– Если вкратце, то я только что предотвратил маленький локальный апокалипсис, который чуть не устроил твой младший сын, – вздохнул сид и уточнил: – Понимаешь?

– Вот благодарствую за заботу, – фыркнул хозяин. – Спасибо, мы люди ученые, нам толмач не нужен, чтоб апокалипсисы толковать. – Он моргнул и переспросил: – Чего-чего предотвратил?

– Апокалипсис, – любезно повторил Диху и добавил успокаивающе: – Локальный.

– Ага... – Боярин задумчиво покрутил Прошкино ухо. – Ну, если локальный, тогда ладно. Тогда только выпорю молодца. А вот то, что вещь ценную испортил... Может, татарам тебя продать, а, засранец?

– Батюшка-а...

– Оставь, – поморщился сид. – Не ошибается только мертвец. Парнишка твой неплох для самоучки, а его невежество – это твоя вина, Айвэн.

Иван Дмитриевич насупил брови и заворчал, как разбуженный в неурочный час медведь.

– Что ж его, пашенка, теперь в университет посылать, что ли? В Лютецию али в самый Рим?

– Хотя бы, – усмехнулся Диху. – Могу, кстати, помочь. Взять паренька с собой. Здесь ему все равно теперь придется несладко.

– Это да, это верно, чаровника со свету быстро сживут. – Выпустив многострадальное ухо сына, боярин сел на лавку и с любопытством ткнул пальцем в сверток: – А это чего такое?

– А это, друг мой, – сид по-хозяйски похлопал по добыче, завернутой в доху целиком, так, что не понять, где у нее голова, а где ноги, – такая вещь, что... Что разговоры о ней не для юных ушей, тем паче таких красных! – И зыркнул на Прохора.

– Прощка! А ну, брысь под лавку! – рявкнул родитель юного изобретателя. – И чтоб тихо сидел! А ты не ломайся, нечистый, чай, не красная девка. Рассказывай давай.

Убедившись, что из-под лавки даже Прошкины уши не торчат, Диху нервно сплел вдруг задрожавшие пальцы, глубоко вздохнул и торжественно сдернул шубу со своей скорчившейся добычи. Девушка то ли оцепенела от потрясения, то ли притворялась, но сейчас ее состояние было совершенно неважно. Сид бесцеремонно подхватил ее под мышки и поставил на лавку, чтобы неожиданный трофей предстал во всей красе. И, не удержавшись от вульгарного тычка пальцем, похвастался скептически сморщившему нос приятелю:

– Гляди какая!

Катя и Диху

Какое-то время я продолжала верить, что все происходящее со мной – страшный сон. Но надежда на скорое пробуждение окончательно задохнулась под тяжестью и запахом шубы довольно быстро, без мучений. Сны, конечно, разные бывают, иногда от яви почти не отличишь, но не зря наука твердит, что мозгам спящего база требуется, откуда черпать впечатления. Увлечение этнографией и средневековой русской историей запросто могло сказаться на мозгах, но не до такой же степени.

И сколько ни тверди мысленно: «Сейчас все кончится. Сейчас я проснусь дома», но против фактов не попрешь. А факты таковы: вид у местных очень уж средневековый, и говорят они на столь диковинной смеси русского и финского, что на слух понять

можно лишь одно слово из пяти-шести сказанных. А уж когда Сидоров вытряхнул меня из шубы, как-то совсем не до смеха стало. Не нужно специалистом быть, чтобы представить, как именно поступят два средневековых мужика с ничейной девкой.

Боярин внимательно оглядел чужачку с ног до головы, насупил брови и фыркнул:

– Тьфу, бесстыжая! Это где ж видано, чтобы девки этак заголялись? Гулящая, что ли? Экая рубашонка на ней – срамота!

Следующий его взгляд, впрочем, задержался на жалко съездившейся фигурке уже подольше. Телом чистая, ноги тоже вроде не кривые, сиськи... да разве ж это сиськи? С русалочьими прелестями ни в какое сравнение не идут. Не говоря уж о Марфе-ключнице. Так что даже если свезти приبلуду на торг, много за нее не выручишь. Разве что басурманин какой польстится, однако ж цены испорченного зеркала девка не покроет никак.

Сид даже слегка обиделся на пренебрежительное хмыканье друга и нетерпеливо отмахнулся:

– Не на то ты смотришь, Ваня! Ты не на ляжки ей гляди, а дальше, глубже... Помнишь, как я учил? Ну? Видишь?

– Да куды уж глубже... В зубы ейные, что ли, глянуть? Аль в какие другие места? – сверкнул белыми зубами в усмешке хозяин.

Диху покачал головой и вымолвил со вздохом:

– Ох, тяжело мне с вами, смертные... Она – чужая. Совсем. Это и есть чудо.

Натянуть пониже рубашку или грудь руками прикрыть? Вот он, важнейший из выборов. И правильного решения так с ходу и не найти. Прищур у него... ну, пусть будет – боярин... Словом, прищур у него получился уж больно оценивающий. К тому же холодный блеск светло-серых глаз боярских свидетельствовал о немалом опыте в торговых сделках.

Вот и пойми, кого из этих двоих надо бояться больше – то ли боярина, то ли его товарища по банным утехам – господина Дэ Сидорова. Отчего я вдруг поняла, что мой несостоявшийся благодетель иностранец? Да все просто. Не водятся на среднерусских равнинах такие диковинные мужчины с пронзительной заморской зеленью глаз и точеными чертами лица, и не водились никогда. Другая порода, нездешняя. Опять же, волосы – длинные, щеки без признаков щетины, движения плавные. С таким и в цивилизованном двадцать первом веке страшно оставаться наедине в бане. «Боярин», к слову, тоже не производил впечатления обладателя утонченных манер, хоть внешность имел вполне русскую.

– А вообще, – рассудительно отметил Иван Дмитриевич, продолжая разглядывать прищелицу, – на вид вроде ничего так... Коса не стрижена, зная, свободная. Какого ж она племени? Людского али бесовского?

Бородатый дядька подозрительно скривился, будто обнаружил в товаре брак и собрался от души поторговаться. А Сидоров, тот явно хотел от меня странного.

Диху, снова не сдержавшись, погладил девушку по ноге и прижмурился, довольный.

– О! Это вопрос вопросов, верно? Не напрягайся ты так, Айвэн. Это я шучу. Она, несомненно, человек и, опять же без сомнения, не принадлежит ни моему миру, ни твоему.

Заявив это, он посчитал, что смертный его приятель достаточно насмотрелся на девчьи ножки, которые уже от страха пупырышками пошли, и дернул предмет обсуждения за руку, дескать, садись на лавку.

– И кстати, она нас не понимает. Сделать так, чтоб она научилась говорить, как ты считаешь? Или погодим?

Сидоров прикоснулся так, словно по мягкому меху новенькой норковой шубки провел ладонью. Я вжала голову в плечи и постаралась не дышать. А как еще должна вести себя

вещь, выставленная на всеобщее обозрение? Качать права и требовать особого отношения? Да-да! В компании с двумя полуголыми мужиками в бане. Много таких умниц отыщется?

– Э... – Боярин поскреб бороду. – Погодим пока. Да тебе ж колдовать нельзя, сам говорил!

Диху расплылся в улыбке, не скрывая блаженства.

– Все можно, если осторожно. Сейчас нельзя, но скоро будет можно. Теперь мы с Кайлих поглядим, кто кого. – Тряхнув головой, он с трудом унял возбужденное дыхание и добавил уже спокойно: – Эта пришелица – мой талисман и знак. Понимаешь, она – то последнее, чего мне не хватало.

Вряд ли Айвэн понимал его до конца, но это и не важно теперь. А вот вопрос права владения следовало решить, и незамедлительно. По всем законам, людским и не только, дичь принадлежит тому, в чьих землях поймана. То бишь безродная чужачка в данный момент – собственность боярина Корецкого.

– Сколько ты за нее хочешь? – не стал скрывать намерений Диху.

«Все. Конец мне!» – догадалась я и отчаянно возжелала упасть в спасительный обморок. Но, видимо, нервная система городских жительниц современной России не настолько хрупка, чтобы терять сознание по такому ничтожному поводу.

Бежать бессмысленно, кричать тоже, и волей-неволей тебя охватывает безразличие к собственной судьбе. Будь что будет, лишь бы все скорее закончилось.

Порадовавшись тому, что разговор наконец-то начал принимать деловой характер, Иван Дмитриевич подбоченился и огладил бороду, начиная торг.

– Ну, что...

Он протянул было к девушке руку, но тут же отдернул, заслышав ревнивое шипение сиды. Друг Тихий взъерошился чисто ведьмин кот: глаза зеленющие сощурил, нос сморщил, зубы оскалил и только уши не прижал.

– Ладно-ладно! – успокаивающе выставил ладонь боярин. – Девка справная, хоть и тощая, ну так это откормить можно. Ежели к работе приставить да поглядеть, чего она умеет...

– Да ты на руки ее глянь! – запальчиво возмутился Диху, включаясь в забаву. Почти забаву, потому что для сына Холмов все происходило более чем всерьез. – Какая работа? Видишь, какие нежные? Она ничего тяжелей пера в жизни не держала! – И для убедительности взял товар за руку и перед носом у приятеля повертел: – И от шитья мозолей нет!

– ... а то, что безъязыкая, так оно даже лучше. Бабе язык бесами даден, – продолжал искать достоинства в пришелице Корецкий.

А тут еще, очень кстати, из-под лавки высунулась голова Прошки. Боярский байстрюк выказал фамильную сметку, предположив невероятное:

– А может, она грамотная?

– Тьфу! – скривился его родитель. – Еще чего! Зачем девке грамота?

Вообще-то я успела забыть о виновнике всего происшедшего, а он, оказывается, тут как тут. И вроде бы что-то хорошее обо мне говорит. Беспокойство за свою шкуру, оно кого угодно сделает заправским лингвистом. Не нужно быть великим чтецом по губам и лицам, чтобы правильно истолковать слова мальчишки и намерения дядьки-боярина.

– Дяденька, миленький, – взмолилась я. – Пожалуйста-пожалуйста, не обижайте меня. Я хорошая. Я не ведьма.

Понимает он мою речь или нет, значения не имеет. Главное, наглядно показать свою безобидность и желание сотрудничать.

Девичий жалобный лепет, хоть и непонятный, трактоваться мог только как мольба, однако Иван Дмитриевич на всякий случай отступил на шаг. Мало ли в чем там сид уверял, а ну как девка и впрямь ведьмой окажется и теперь наговор какой бормочет?

— А она не блаженная, часом? Глянь, как вылупилась! И эта... креста-то на ней нет!

Терпение Диху дало очередную трещину, грозя рассыпаться грудой осколков. Всякая шутка хороша лишь поначалу, и с боярскими забавами пора было кончать. Улыбка сида стала опасной. Настолько, чтоб напомнить Корецкому, с кем он имеет дело.

— Айвэн, не увлекайся, — ломким от сдерживаемого нетерпения голосом молвил Диху: — Сколько?

— Такой торг портишь, нечистый ты дух! — с сожалением махнул на него рукой боярин. — Ладно... Прощка! — Метким пинком Иван Дмитриевич выгнал из-под лавки отпрыска. — Стоняй к Марфе, тащи еще вина. Ща сговорим это дело и сразу обмоем.

— И прихвати пшеницы... скажем, горсть, — добавил сид. — Должно хватить. И воды из того колодца, где серебряное кольцо лежит.

Критическим называется момент еще и потому, что ощущается он, точь-в-точь как острый камушек, попавший в туфлю, — болезненно и резко. Внезапно интуиция обостряется до предела. Я не просто вся обратилась в слух, я, должно быть, в жизни своей так не мобилизовала все умственные способности. Из оживленной беседы мужчин уловила одно, зато самое важное — сейчас я перейду в собственность Дэ Сидорова. По неведомой пока причине Екатерина Говорова ему необходима ну просто позарез, и если понадобится, то несостоявшийся благодетель отберет меня у «боярина» силой. И лукавый бородач прекрасно это понимает, просто ему нравится торговаться. Мне же осталось лишь дожидаться, чем кончится дело, и тогда уже начинать переговоры с новым... э... хозяином.

Прощка, снова проливая целебный бальзам гордости на отцовское сердце, оказался столь догадлив, что прихватил и пергамент с чернильницей. Все правильно: ежели сторговались, так ведь купчую составить надобно.

А сид хмыкнул, быстро перебрал пшеницу и, покрутив в тонких пальцах три зерна, которые ему чем-то приглянулись, сжал их в ладони.

Чары пришли сами вместе с ветром, что живет в дыхании детей Холмов, легкие и невесомые, как прежде. Как раньше. Волшебство поющего на пустошах вереска, влажный шелест дождя, шипение морской пены, прильнувшей к серым камням, — голос благословенной Эрин и горной Альбы, Британии и Кимри. Пусть пришелица услышит его, пусть запомнит, пусть накрепко затвердит. Чтобы, подобно зерну, голос дальних земель пророс в ней, одаря драгоценными плодами речи. А теперь — шепот осин, и скрип сосен, и раскаты гроз, и едва различимый влажный вздох подтаявшего снега, сорвавшегося с ветвей где-то далеко в лесу. Февральская переключка волков, и твяканье лисиц, и гул ярмарок, и колокольный звон, и гудение тетивы охотничьего лука, и треск льда на озерах. Голос родной земли — с ним всегда легче. Тут не выращивать надо золотое зерно, а лишь не мешать ему всходить. Ну, может быть, слегка помочь. Удобрить. И разогнать воронье страхов, слетевшееся на теплую пашню встревоженной души.

А теперь, пожалуй... Он на миг нахмурился, выбирая. Латынь или греческий? Скорее первое. Третье зерно, в котором дремлет литая медь былых побед и гордости, сравнимой с гордостью бессмертных. Размах золотых орлиных крыльев и поступь войск, которые до сих пор помнят дороги бывшей империи и нынешних королевств. Запах тяжелых томов, шорох монашеских одежд, стук деревянных подошв сандалий, мрамор разбитых колонн, увитый плетью винограда. Солнце, дремлющее на лазури ласкового теплого моря. Блеяние коз, пасущихся на Форуме. Голос трактатов и договоров, голос, благодаря которому люди

от Византии до деревянного форта, затерянного в глухих лесах заморского Винланда, могут понимать друг друга. Чаще не понимают, конечно, но ведь могут же. Не помешает и этой пришелице овладеть языком, соединяющим людей.

– Ешь! – Сид бесцеремонно сунул ей под нос ладонь с заклетыми зернами.

А потом, когда эмбарр подчинилась, приказал:

– Пей!

Серебряная вода – неплохой способ закрепить результат. Посев ведь надобно полить, верно?

– А теперь сядь там. – Диху ткнул пальцем, указывая на дальний угол. – Молча!

В человеческом понимании заморский дух богатым не был. Даже пообтеревшись в мире смертных, Диху так до конца и не понял, почему это они придают такое значение блестящим камушкам и золотым кругляшкам, когда земля их одаривает сверх всякой меры вещами по-настоящему прекрасными. Однако в способности бессмертного приятеля уплатить нужную цену Иван Дмитриевич не сомневался. Хотя с Диху случилось бы сотворить деньги буквально из воздуха, но одного из немногих своих смертных друзей сид морочить не станет. Пушной зверь сам пойдет в силки, рыба чуть ли прямо в бочки из воды полезет, а под лесным выворотнем вдруг найдется горшок со старинным кладом. Или же внезапный дальний родич, кстати окочурившись, отпишет боярину Корецкому щедрую долю по торговой части. Да мало ли что может начаровать бессмертный колдун, чтобы не остаться в долгу, верно? До сей поры Иван Дмитриевич еще ни разу внакладе не оставался. Удачу золотом не меряют, бесценна она, удача, а сид отвечает ее полными горстями, особенно когда колдовать может без опаски. А грехи и отмолить можно.

Боярин налил себе и сиду по рюмке и начал оглашать список своих пожеланий по пунктам.

– Так. Во-первых, друг мой Тихий, ты мне чаровством своим дорогую вещь испортил. Возмести!

Муранское зеркало в полный рост – это вам не чих мышиный, тут рыбкой да куньими шкурками не отделаешься.

И вдруг... Я начала понимать все, о чем говорили мужчины. Мешанина из слов превратилась в нечто абсолютное понятное – слова сложились в предложения, а те, в свою очередь, – в осмысленные фразы. И это был не какой-то там синхронный перевод, а чистое волшебство. Будто я с рождения знала этот чудной язык.

Сидоров – то есть Тихий, – кивнул, не споря.

– Разумеется. Я тебе даже сверх того дам, только не заказывай больше зеркал у итальянцев. А то мало ли что из них может вылезти. – И подмигнул. – В Византии покупай, там надежней. Да и торг тебе будет славный, если корабль снарядишь в Царьград. Что-то еще?

«Так! Значит, итальянцы и Византия тут есть. Уже хорошо», – обрадовалась я. Хотя в общем-то странный это был повод для радости, но хоть что-то знакомое. А если хорошенько подумать, можно предположить, что я угодила в прошлое.

– А во-вторых, заberi с собою пащенка моего и к делу его приспособь, – отрубил боярин. – Сам про университеты заикнулся, вот и отдувайся теперь! Чтобы воротился он ко мне ученым, сытым и при деньжатах. А ежели не убережешь, так быть тебе, поганому, прокляту до скончания времен. Понял?

– Обижает, Айвэн, – усмехнулся «поганый» и зубы показал. – Нарываешься!

«Айвэн? Иван, стало быть! – мысленно встрепенулась я. – Ага! Значит, все-таки русский и боярин. Хорошо это или плохо?»

– А ты не обижайся, – теперь подмигнул Корецкий. – Чего тебе, духу бессмертному, на меня, старого дурака, обижаться-то? Прошка, пиши давай, раз выучен, на мою голову...

«Бессмертный – кто?» – немедленно встревожилась я и осторожно покосилась на Сидорова.

Духом этот гад уж точно не был.

Прошка, высунув от усердия кончик языка, уже вовсю строчил купчую. Не в первый раз, чай. Даром, что ли, батюшка их с братаном к торговому делу с малолетства приучает? Писцы, собаки худые, дерут больно дорого, а своя кровинушка, хоть и в скирде нагулянная, всяко надежнее наемного лодыря.

Мальчишка так бойко обращался с пишущим... э... инструментом, что всякие вопросы о его грамотности у меня отпали сами.

«Интересно, а какой век на дворе?» – робко любопытствовала я. Но пока сделала это мысленно, не рискуя обнаружить свое новое знание.

– Ты, девка! – Иван Дмитриевич впервые обратился к живому товару, то есть ко мне. – Понимаешь меня?

Я вздрогнула и от неожиданности согласно кивнула.

Да, теперь я понимала каждое сказанное слово, но пока не решила, радоваться мне или горевать по этому поводу.

– Звать как? Чьих будешь? И сколько тебе зим? Ну-ка, отвечай, как на исповеди!

Насчет исповеди этот средневековый тип загнул, конечно.

– Екатерина, – выдавила я из глотки. – Говорова. И лет... то есть зим мне двадцать шесть.

– Тьфу ты, перестарок! – презрительно сплюнул боярин. – Чо-т аж стыдно мне, брат Тихий, что я за этакую ледащую девку такую цену ломлю. Но уж сговорились. Давай-ка, Прошка, подмахну там... – Он черкнул пером. – Все! Владей!

Мужчины ударили по рукам, скрепляя сделку, и выпили.

«Тихий» помахал пергаментом, чтобы просушить, внимательно перечитал, свернул в трубочку и, гибко потянувшись, убрал в сумку, висевшую здесь же, на крючке. И улыбнулся своему приобретению. Оч-чень многообещающе.

Переход права собственности отразился на мне самым катастрофическим образом: я безобразно, как-то совсем по-бабьи, разрыдалась.

– Эй, да ты чего? – изумленно вскинул бровь Сидоров. – А ну-ка, выпей-ка с нами!

Он налил мне местного самогона, а я и сопротивляться не стала – опрокинула стопку. Стресс снимать как-то ведь надо.

– Выпила? Закуси. И давай знакомиться, что ли.

И что-то подсказывало мне, что никакой он не Сидоров, вообще не Сидоров ни разу.

Глава 3

«Мой милый котик, будь повеселее...»

Диху

Дети Холмов в принципе способны ограничивать себя в желаниях, но как же они этого не любят! А уж если речь зашла не об обычной блажи, а о почти физической потребности, вроде гейса – быть, присутствовать и, если не касаться ежесекундно, то хотя бы наблюдать – о, тут дивные обитатели иного мира дадут фору самому капризному инфанту! И сколько бы ни причитала Марфа-ключница, как ни ругала ругательски похабника и поганца, на котором креста нет и в ком совести днем с огнем не сыщешь, сид только глазом зеленым сверкал да шипел не по-людски, а из горницы вон не шел. Даже морду не отворотил, паскудник, когда Марфа вертела сомлевшую пришелицу, будто соломенную куклу, облачая в приличную юной девице рубаху. Широкая спина ключницы, впрочем, заслоняла не только бедную девку, но и всю кровать, однако где ж это видано, чтоб колдун чужеземный в честном тереме рассиживался? Но этому поганцу хоть бы хны. Пауком забился в самый темный угол, откуда неотступно и ревниво следил за каждым движением Марфы, и никакие увещевания на него не действовали. Впору бы Ивана Дмитриевича кликнуть, чтобы гостя своего нечистого к порядку призвал, однако боярин высказался вполне определенно: чужачка эта – заморскому ведуну честно купленная раба, и пусть он ее хоть голой за лошадиным хвостом потащит, все равно будет в своем праве.

Но Марфа тоже упрямой уродилась, а потому, раз такое дело, решила: колдун или нет, а пока она, ключница бояр Корецких, бесовскими чарами не околдована, никакой похабник девку под ее присмотром не спортит. За порогом – пожалуйста, а в доме – ни-ни! Возмущение честной женщины зашло так далеко, что она даже пренебрегла всеми прочими обязанностями, оставив дворню без пригляда, но из горницы не уходила, покуда этот прыщ заморский тут глазищами своими лупал.

Катерина

Редко кому в жизни не доводилось просыпаться от сильного всепроникающего запаха. Положим, воскресным утром ты дрыхнешь без задних ног, видишь десятый сон, и вдруг включается нос. Бац! Запах жареной картошки вытаскивает из кровати лучше всякого будильника. Так вот со мной то же самое случилось. Только без жареной картошки.

Проснулась я от навязчивого запаха, больше похожего на ядовитый дым. Аж глаза заслезились. Тут и мертвый бы воскрес. Закашлялась, откинула в сторону тяжеленное одеяло и осмотрелась по сторонам, стараясь при этом не дышать носом.

– Эй, кто-нибудь здесь есть?

Вероятно, если бы из комнаты вынести все сундуки, комоды, ларцы и лавки, а также ковры, покрывала и скатерти, то места хватило бы для двух бильярдных столов. А так женщина в сарафане и душегрее, явившаяся на зов, едва протиснулась поближе к небольшой горе из всевозможных тюфяков, на вершине которой я почивала. Не хватало только горошины, как в известной сказке.

– Доброе утро, – сказала я пышной во всех возможных местах тетечке.

Уж больно пристально она меня изучала. Внимательно и весьма неодобрительно рассматривала с головы до ног, будто подозревала в чем-то нехорошем.

– Меня зовут Екатерина, а вас? – попыталась я мило улыбнуться.

– Здравсте, коль не шутишь, – степенно ответствовала дама. – Марфа Петровна я. Ключница.

Еще несколько долгих минут мы молча таращились друг на друга. А посмотреть было на что: сарафан, душегрея и шапочка, покрытая платком, которые носила ключница, даже неискушенном взгляду говорили о многом. Например, недвусмысленно намекали на то, в какие суровые времена меня угораздило попасть.

– А скажите, какой сейчас год?

Идиотский вопрос, конечно. Но куда деваться-то, если сейчас он для путешественницы по Зазеркальям наиболее актуален?

Марфа Петровна приподняла бровь удивленно, но утолила мое любопытство:

– Семь тысяч тридцать восьмой от сотворения мира.

– О-ой... – только и смогла выдавить из себя я, познавая на личном опыте значение басенного выражения «в зобу дыханье сперло».

– Одна тысяча пятьсот тридцатый год от рождения Иисуса Христа, если тебе так понятнее будет, – неожиданно встрял в разговор притаившийся в уголке Сидоров. То есть не Сидоров, а Диху сын Луга. Тот самый, который вчера официально стал моим хозяином, в моем же присутствии подписав купчую. Тот, который посредством волшебства научил меня понимать местный язык.

– Здравствуйте... э...

Сказать, что я его боялась – ничего не сказать. Это был всепоглощающий ужас смертного существа перед непостижимыми умом силами и сущностями, который никуда не девается, даже когда вокруг компьютер на компьютере и Всемирной паутиной погоняет. Этот страх всегда таится внутри и никогда не будет окончательно изжит. Дети богини Дану, если судить по фольклору, милосердием и человеколюбием не страдали никогда. Можно, конечно, не верить в предания старины глубокой. Но вот же он – настоящий сид – прямо передо мной, живой и во плоти, и колдует, как дышит. И лучше с ним не ссориться.

Только как мне теперь его называть прикажете? Мой господин?

А пока сид со странным выражением лица пялился на новоприобретенную живую собственность, она, то есть я, лихорадочно пыталась определить, во время чьего царствования происходит дело. Курс российской истории, как это водится, оставил после себя множество плохо упорядоченных знаний.

«Так! Тысяча пятьсот – это шестнадцатый век. До тысяча шестьсот двенадцатого года, до Смутного времени еще почти сто лет, – рассуждала я. – Бориса Годунова еще точно нет. А до него был Иван Грозный. Так? Так. Умер он в старости, лет в шестьдесят. Значит, в тысяча пятьсот тридцатом году... он уже родился или еще нет?»

Да, невероятным напряжением всех извилин я таки вспомнила не только отчество Ивана Грозного, но и порядковый номер его папашки.

– Сейчас ведь в Москве правит царь Василий? – осторожно спросила я.

– Где-где? – удивленно переспросила ключница, до сего момента благоразумно помалкивавшая. – Кто-кто? У тебя, девка, часом, не горячка? Какой еще царь? И чего он в дремучем захолустье забыть успел?

Диху решил протянуть пришельце спасительную руку. Прежде чем она своими речами окончательно убедит добрую Марфу в том, что странная чужачка не только нечистая ведьма, но еще и разумом скорбная.

– Если мне не изменяет память, Москва – это небольшой городок неподалеку от Твери, да? Ничего выдающегося, но ярмарка там неплохая, впрочем... – мурлыкнул сид, решив заодно проверить, до конца ли удалось его колдовство. Если девица поймет и сможет ответить... Начать стоит с латыни, хотя некоторые местные понятия в узкое ложе языка древней империи никак не укладывались. – Великим княжеством Тверским правит князь Александр

Михайлович. Во Владимире сидит князь... Ты действительно хочешь знать по имени каждого из русских князей, девушка?

Он не удержался и подмигнул обомлевшей добыче, которая, должно быть, как раз сейчас поняла, что язык цезарей понимает, как родной.

– Погодите-ка...

Удивительно, как только мне сил хватило удержаться от мелодраматического зажима собственного рта ладонью. И дело вовсе не в отсутствии московских царей, точнее, не только и не столько в этом.

– А как же татаро-монгольское иго? – спросила я заговорщицким шепотом и, кстати, тоже на латыни.

– А, эти... – небрежно отмахнулся сид. – Да, была у них тут заварушка лет этак триста назад, но, помнится, все кончилось грандиозной битвой на какой-то реке, то ли Калке, то ли Угре... А потом глава вашей церкви... – Он нахмурился и уточнил: – Тот, который в Иерусалиме, объявил святой поход. Или это было против турок? Неужто я запамятовал... В общем, о набегах степняков уже давненько ничего не слышно. Хотя в столице их ханства, на Волге, опять же неплохой торг.

Он приглашающе улыбнулся, дескать, расспрашивай, чего уж там. Погладим зверушку по шерстке, раз уж она так забавна. Во всяком случае, именно так я расшифровала его улыбочку. И постаралась не думать о том, что все прелести «неплохого торга» вполне могут испытать на своей шкуре, если... Ох. Белокожие женщины традиционно ценились среди смуглых мужчин. Реши вдруг Диху расстаться со своей... собственностью, судьба моя будет незавидна, это точно. Перспектива оказаться проданной на торге степнякам... Бр-р!

«Я ценная, я ценная, я очень ценная! За меня полтора миллиона предлагали! Если перевести на местные, это сколько с учетом инфляции?»

Правильно твердят умные люди: лишних знаний не бывает. Из века в век повторяют, жаль, не слушает их никто. Кто бы мог представить, что именно сейчас мне пригодится весь вузовский курс отечественной истории! Пройтись бы с этим ирландским товарищем по датам, сопоставить, сравнить, проанализировать...

Когда напротив, на сундуке, уже сидит самая настоящая средневековая женщина, Марфа Петровна, и осуждающе пыхтит при звуках чужеземной речи, остается лишь в руках себя держать. И клясться себе: разведать, что в этом мире к чему, в самом ближайшем будущем.

– Ого! – только и смогла сказать я, попытавшись мысленно прикинуть, как могла бы пойти история, не случись иго.

Не было, стало быть, культурного и экономического отката на два-три столетия назад, не разрушены были основы древнерусской государственности, и связи с Европой не разорваны. И, кстати! Тут-то до меня, наконец, дошло, что здесь Новгородская республика, прекратившая свое существование в конце пятнадцатого века, существует. Отсюда следовал простой и логичный вывод: это другая история! И вообще весь мир другой. Но столь радикальную версию следовало сначала проверить. Я осторожно покосилась на своего собеседника. Ничего в нем не осталось от скользкого господина Дэ Сидорова из *моего* две тысячи двенадцатого года. Темные волосы отросли и превратились в блестящие черные локоны, странное, чуть асимметричное лицо так и вовсе не могло принадлежать обычному человеческому существу, а эти выразительные яркие глаза... А еще он колдовать умеет! Моя болтовня на двух языках – живое тому свидетельство. Диху, говоришь, сын Луга? Сид из Холмов, а не Сидоров. Да, я оценила игру слов. Славная вышла шутка. Нехорошая догадка, что злополучное появление Диху в моем офисе случилось неспроста, как и все последую-

щие напасти, шевелилась где-то в подсознании, точно ядовитая змея в траве. Слишком много случайностей, не находите? Сиды – они такие, они могут.

– Ага... Значит, монгольского ига не было, Москва – скромный городишко, Иерусалим до сих пор под властью христиан, Новгород – республика. А... мм... Турция есть? В смысле, – я быстро исправились, – Османская империя?

Почему так важна вдруг оказалась для простой русской девушки судьба Турции, я не смогла бы объяснить даже под пытками. Может быть, потому что разворачивающаяся перед мысленным взором картина совершенно иного мира потрясла мое воображение? Из каких-то сокрытых и до сих пор ни разу не задействованных нейронных связей в мозгу лезла сплошным потоком информация – и тут же подвергалась переосмыслению.

«Стоит, следовательно, на днепровском берегу не тронутый монголами Киев, процветает Тверь, и Новгородская республика не разгромлена московским царем. И никакого Ивана Грозного нет. И, похоже, уже не будет опричнины и всяких средневековых ужасов. Ух ты!» – неожиданно обрадовалась я. Все-таки, как ни крути, а русскому человеку никогда не безразлична судьба его Родины, пускай даже в каком-то перпендикулярном мире с его альтернативной реальностью. Нет, ну правда, должно же России повезти с историей хотя бы и в иной реальности, верно?

Сид улыбнулся по-кошачьи сладко.

– Откуда же возьмется Османская империя, ежели Византийская жива-здоровая? И правит в Константинополе боголюбивый император Алексей Палеолог. Новгородская же республика управляется посадником Корецким Михаилом Семеновичем, нашего доброго хозяина двоюродным братом.

Но экскурс в политическую историю пора было заканчивать. Слишком уж дикими глазами смотрела на все это непотребство боярская ключница, да и сама девушка... Излишнее просвещение вредит женщинам. Во всяком случае, так считают люди, а именно среди них, как ни печально, придется провести сиду и его добыче ближайшее время. Пришлицу надо предупредить, иначе с глупой девчонки станется начать расспрашивать не только господина, но и всех остальных.

– Впрочем, не забивай себе голову всеми этими мыслями, девушка. Насколько я знаю ваше племя, от тебя никто не ждет глубоких рассуждений. На самом деле будет лучше, если ты вообще не станешь открывать рот без нужды. Людям не нравится, когда их самки слишком болтливы, уж и не знаю почему.

Ни слова лжи не сорвалось с уст Диху, однако его имущество вдруг обиделось. Вот и пойми их!

Столь откровенный мужской шовинизм в исполнении настоящего волшебного сида меня расстроил. Обидно, черт возьми! Самкой обозвал и радуется.

– А вы-то сами... откуда здесь взялись? – политкорректно начала я, но потом решила не юлить и спросить напрямую: – Я, кстати, так до сих пор не поняла, как вышло, что сначала вы ко мне в офис явились с пачками денег, а потом через зеркало затащили в параллельный мир? Кто вы вообще такой? И зачем я вам понадобилась тогда и сейчас? Немного честности не помешает, верно?

– А зачем? Зачем тебе честность? – нахмурился сид. – То, что я не принадлежу к смертному народу, ты и так видишь, а имена даются не для того, чтобы трепать их, как хоругви на ветру. Я тебе милость оказал, назвавшись, но это не значит, что ты имеешь право звать меня по имени.

– Это еще почему?

– Какую часть слова «собственность» ты не расслышала, девушка? – отчеканил сид.

Вот теперь я обиделась уже по-настоящему. Ах вот как он заговорил! К смертным он не принадлежит! Так что, теперь можно их... нас оскорблять?

Но огрызаться или, чего доброго, ругаться я не рискнула, памятуя, что вокруг все ж таки Средневековье. За строптивость могут запросто избить. Пришлось ограничиться демонстрацией обиды в виде поджатых губ.

– А дозволено ли собственности наконец-то одеться или так в рубашке и ходить прикажете?

– О! – Диху развел руками. – Так ведь я тебя не держу, маленькая смертная самочка. Если ты не хочешь моей защиты, что ж! Ступай себе. Не обессудь только, но прежде я заберу назад те знания, что вложил в твою маленькую головку. Да, и рубашку, кстати, тоже. Поглядим тогда, далеко ли ты уйдешь от порога этой комнаты. Рискнешь?

И зубы показал, откровенно забавляясь. Ну не бить же ее, в самом деле? А припугнуть надо. Иначе не успеешь оглянуться, как это растерянное дитя со свойственной их породе живостью начнет грызть протянутую руку.

Безрадостные перспективы, так кратко и емко обрисованные Диху, открылись предо мной во всей их устрашающей наглядности сразу же, едва лишь слова угрозы слетели с его красивых губ. Даже особо фантазировать не пришлось. Голая и безъязыкая девка вызвала бы нездоровый интерес и в очень гуманном двадцать первом веке, а тут у нас шестнадцатый только начинается, о правах человека никто еще ни ухом, ни рылом. Пришлось мне срочно переплавлять гордыню на почти искреннее послушание. Сид на самом деле мог сделать со мной что угодно: продать, проиграть в кости, убить и при желании съесть.

– Ладно. Но одеться-то можно? – пошла я на попятную.

– Будет неплохо, если ты добавишь «мой господин». Немного вежливости не помешает, а? – Довольный результатом первого урока покорности, сид хохотнул. – Ладно. Эта добрая женщина научит тебя одеваться и присмотрит за тобой. Завтра мы отправляемся в путь. Сначала в Новгород, а затем... – Он мечтательно прижмурился. – Затем... Увидишь.

И ушел не прощаясь, только ключнице бросил:

– Я полагаюсь на тебя, добрая женщина.

Прохлаждаться на женской половине слишком долго – это, даже с точки зрения очень терпимого к выходкам приятеля Ивана Дмитриевича, как-то чересчур. Сид уедет, а боярину с этими людьми дальше жить. Нехорошо вводить в смущение умы боярских людей, разгуливая по родовому гнезду Корецких слишком уж по-хозяйски.

«А с другой стороны, – подумал Диху, – уже за одно то, что я уберу с глаз долой не только приبلудную девку, но и пащенка Прошку, семейство Корецких должно быть благодарно. Например, посадник».

По правде, нагулянный от безродной женки мальчишка своим существованием попортил Ивану Дмитриевичу немало крови. Вдовый боярин – фигура крупная, политическая, а при местных строгих нравах побочные дети – это проблема. Тем паче что батюшка откровенно потворствует байстрюку и перед законным наследником явное предпочтение оказывает.

Вот почему Иван и девку отдал почти без торга, и по терему шастать позволяет. Но злоупотреблять этим не следует. Тем более что приглядывать за своим имуществом сид может и не столь явно. Дар невидимости – врожденная способность всех детей Холмов, и теперь, когда цель достигнута, он не видел причин не воспользоваться преимуществом. Да и девушка, не замечая рядом хозяина, будет вести себя естественней.

– Слушаю и повинуюсь, мой господин, – гнусным шепотом передразнила я вредного нелюдя.

Безопасности ради сделала я это, только когда он вышел из горницы. Настолько выразительно посмотрела на меня Марфа Петровна.

– Ты бы языком не мела попусту, – предупредила ключница. – С Тихого станется свои посулы исполнить, чтоб ты знала. С такими злыми глазищами-то.

И не поспоришь ведь. Вроде бы просто глянул искоса, а от льдистой звериной зелени его глаз – аж мороз по загривку.

И чтобы отвлечься от личности Диху, я решила расспросить ключницу о политической обстановке в мире, если так можно выразиться. Марфа Петровна, конечно, не диктор теленовостей, но должна же она иметь какое-то представление о местных реалиях? На деле оказалось, что ничего *такого* добрая женщина никому не должна, тем паче какой-то ничейной приبلуде. Заодно выяснилось, что в тысяча пятьсот тридцатом году от Рождества Христова такая важная персона, как боярская ключница, доподлинно ведает обо всех запасах, видит всю дворню насквозь и блюдет хозяйский интерес пуще собственного, а остальное ее не касается.

– Не нашего ума это дело, заруби себе на носу, девка! – сурово пресекла крамольные разговоры Марфа Петровна. – Давай-ка обряжайся в человечью одежду быстренько и молча. Недосуг мне с тобой возиться.

Мятые тряпки, извлеченные ею из сундука, меньше всего походили на яркие наряды средневековых боярышень с картин художников девятнадцатого века, но ничего кинокашачного я и не ждала. С этнографией я вообще-то на «ты», образование позволяет, однако сейчас эту самую этнику требовалось надеть на себя, причем без всякого нижнего белья.

– А где вещи, которые были на мне раньше? – уточнила я на всякий случай.

– В печке сожгла, – ответствовала Марфа. – И трижды «Отче наш» прочитала. Устраивает?

Кто бы мог подумать, что обычную ночную рубашку будет жалко почти до слез. А уж себя-то как жаль, никакими словами не передать.

Удивительное дело, но, только стоя в растерянности и смятении над грудой чужой одежды, я вдруг целиком и полностью осознала, что со мной случилось нечто воистину ужасное и необратимое, что-то среднее между похищением маньяком-убийцей и автомобильной аварией.

Попад в неприятности, я всегда старалась представить еще более тяжелую жизненную ситуацию. Скажем, теряю я под колесами поезда обе ноги. Вот ужас-то! И в сравнении с участью калеки непогашенный кредит и предательство Даньки кажутся сущими мелочами, не стоящими смертельных переживаний. Последние полгода я только и делала, что твердила себе: «Ты – молодая, живая, здоровая, руки-ноги на месте, какая-никакая крыша над головой есть, так чего скулить? Все как-нибудь образуется. Все будет хорошо».

Вот и образовалось. Чужой мир, чужое время, чужие обычаи. И я всем чужая и мне все чужое. И сам собой напрашивался классический вопрос: «За что мне все это?» Собственно, ответа никогда не существовало. Просто с некоторыми людьми случаются плохие вещи. Вчера жребий пал на Екатерину Говорову, только и всего.

– Не реви, – проворчала Марфа, решив, что я сейчас начну рыдать.

Я не хотела, но слезы сами потекли.

– Слышь, дуреха, не реви, сказала. Ишь, нюни распустила! Кобылица здоровая, а ревет, как дите малое.

– Я не реву, – всхлипнула я и шмыгнула носом.

Однако сочувствовать мне никто не собирался. Не входила жалость к чужой собственности в обязанности домоправительницы. Женщина лишь раздраженно вздохнула и принялась наряжать «бесовскую девку» в христианскую одежду.

– Вот те сорочка! Да смотри, рукав не оторви. Во-о-от! Теперь рубашку держи, – командовала ключница. – Поясом подвяжись-ка.

Мне оставалось только подчиняться. По крайней мере, так я точно ничего не напутаю и Диху не подведу.

– Гляди, какой я тебе летник подобрала. Почти неношенный.

Марфа с гордостью продемонстрировала сильно расширенное к низу платье красно-коричневого цвета с длинными колоколообразными рукавами, сшитыми от проймы только до локтя. Далее они просто свисали до самого пола остроугольными полотнищами ткани. Типичная одежда средневековой русской женщины.

– Вошвы бархатные, с бисером. Полнобуйся-ка.

Так и есть – вокруг горловины и по краям рукавов были нашиты бархатные кусочки, украшенные затейливой вышивкой.

– Красиво, – покорно согласилась я, уже порядком утомленная одеванием.

– То-то же! Это Иван Дмитриевич наказал одеть тебя прилично, чтобы незазорно было перед Тихим.

– Надеюсь, ему понравится.

Лишний раз злить злого сида отчего-то не хотелось.

– А то! Пусть только посмеет сказать, будто я пожадничала! Этот летник наша покойная боярыня носила и рада была, – объявила ключница.

Но жемчужного кокошника я так и не дождалась. Не положено, не по статусу. Косу Марфа мне уложила вокруг головы, а сверху повязала платок. И заодно пояснила, как бы между делом:

– Положение у тебя бестолковое. Незамужняя и при этом холопка иноземца, но к работе приставить нельзя, запретили. Скорей бы увез он тебя, что ли. Пока сплетни не пошли на всю округу, дескать, Иван Дмитриевич чужую рабу в женкины платья рядит неспроста.

– А куда он ехать собрался?

– Да кто ж его знает, Тихого этого. Но чем дальше, тем лучше.

Диху, незримый и бесшумный, при этих словах одобрительно усмехнулся. Разумная женщина эта Марфа. Айвэн тоже не дурак, не даром так ценит такую редкость. Вот бы и из маленькой эмбарр воспитать что-то подобное: умную, но не слишком, зато рассудительную и, главное, покорную... мм... помощницу. Вопрос: как? При всех своих познаниях опытом дрессировки юных дев Диху не владел. Не принято как-то среди Народа доверять воспитание дочерей таким, как он. Сын Луга еще до изгнания был ненадежным бродягой и одиночкой, и даже из плакальщицы-банши вышла бы лучшая нянька, чем из него.

«Надо придумать ей кличку», – рассуждал он, легко ступая вслед за нелепой парочкой – полной сдержанного достоинства дородной домоправительницей и неуклюжей, будто едва вылупившийся цыпленок, девчонкой. В одежде покойной боярыни дева выглядела ряженой, притом в мешок, да еще и не по росту и не по стати. И то сказать, статью пришелица не вышла.

«Зато легкая! – утешил сам себя сид. – Этакую Марфу Петровну на руках не натаскаешься, тут медведем надобно быть вроде Айвэна. А эту недокормленную на плечо если взвалить, так и не почувствуешь».

Пока ключница проводила для приблуды ознакомительную прогулку по боярскому поместью – весьма познавательную, к слову, – основной заботой Диху было не наступить девчонке на подол. Она и так путалась в своих долгополых одеждах, норовя то рукавом за что-нибудь зацепиться, то собственные ноги потерять. Не привыкла, видно, к длинным платьям. Неудивительно, там, откуда она вывалилась, мода совсем иная. Правильная в общем-то мода. Диху еще в свой первый визит длину и фасон их одежды оценил и одобрил.

Куцые юбочки задирать не надо, и так все на виду. Штаны тоже не совсем для того, чтобы прятать телеса, а скорее даже наоборот. Таким образом, вырисовывалась еще одна, помимо наречения имени, проблема, связанная с девой-эмбарр. Оную деву нужно будет научить правильно носить женские платья.

Марфа ролью проводницы и опекуни явно тяготилась. Не по чину достойной женщине всяких девок непотребных обряжать да выгуливать! Да и работы по дому невпроворот. Поэтому ключница постаралась от этой обузы поскорее избавиться – завела в горницу да и оставила там под присмотром девчонки-приживалки. Так что пришелица почти ничего, считай, и не видела. Может, это и к лучшему. Некоторые бытовые сцены вызывали дрожь омерзения даже у повидавшего разные страны и времена бессмертного, а какотреагирует нежная дева, увидев, к примеру, порку? Или как дюжий кузнец таскает по двору за косы свою чем-то не угодившую ему жену?

Покачав головой и поморщившись от рычания кузнеца и криков его несчастной бабы, сид передернул плечами и отправился по своим делам. За этот визит к Айвэну он оброс и другим имуществом, кроме девушки, и оно тоже требовало хозяйского внимания. А девица... Девицей займемся попозже, когда ранняя зимняя ночь загонит обитателей поместья в их норы.

Я считала себя достаточно бойкой барышней, всегда предпочитая терпеливому выжиданию подходящего момента активное вмешательство в ход событий. Всегда ведь подвернется удачный случай, а нет – так и не надо. Что такого? Я пробивная, хоть неохотно бросаюсь на житейские амбразуры грудью. Но мало кто способен, внезапно очутившись черт знает где, в далеком и чужом шестнадцатом веке, испытать прилив душевных сил. Точнее, пусть не врут те, кто станет утверждать обратное.

И если принять утренние пререкания с Диху за бунтарство и свободолюбие, то к вечеру от моего боевого духа мало что осталось. Экскурсия по боярскому терему оказалась настолько поучительной, что в свою горницу я вползла чуть живая и морально раздавленная прямо-таки в лепешку.

Марфа Петровна без утайки показала и рассказала о житье-бытье в поместье, где и протекала бы вся оставшаяся жизнь Девки-из-Зеркала. К слову, то, что попадание произошло из-за чародейских опытов боярского байстрюка, ни в коем разе не снимало с меня вины за испорченную дорогую вещь.

– Кабы не Тихий, до конца жизни возмещать урон пришлось бы, и на долю внуков еще остался бы долг, – объяснила как бы невзначай «добрая» ключница.

При слове «внуки» я содрогнулась от ужаса. В шестнадцатом веке меня, неожиданную и незваную приبلуду, ожидала лишь тяжелая работа от рассвета до заката, кошмарный быт и ни малейшей надежды на избавление от бабьей доли, которая, как выяснилось, оставалась незавидной и в альтернативной реальности. Женщин разных возрастов в поместье боярина Корецкого проживало превеликое множество, и все они трудились, не покладая рук: пряли, ткали, шили, стирали, носили воду, готовили еду, кормили скотину, убирали навоз. Имейся у славного Ивана Дмитриевича законная супруга или дочь, они бы, конечно, спину целыми днями не гнули. Так на то они и благородные женщины из знатного рода. Мне бы уж точно теремная праздность не грозила.

Если бы не купчая Диху...

Но хуже всего, что никто из местных, ни единый человек не глянул на меня с крошечной долей приязни или хотя бы с любопытством. Чужая и ничейная, я всем оказалась заранее ненавистна. Дворня уже вовсю обсуждала мое ночное появление в голом виде и последующее уединение в бане с боярином и его приятелем, и то, что приبلуду, то бишь меня, обрядили в наряды боярыни-покойницы. К обеду, понятное дело, приговор вынесен был едино-

гласно – «гулящая». А ближе к ночи в спину мне неслись уж совсем непотребные словеса. И это при том что я никому дурного слова не сказала, лишь прошлась по поместью в компании с Марфой, а потом полдня скучала в одной из парадных горниц наедине с дворовой девчонкой лет шести-семи. Спину бедному ребенку искривил костный туберкулез, и уже через несколько лет ее кривобокость грозила смениться настоящим горбом.

– А как тебя зовут?

Я рискнула проявить дружелюбие и через силу улыбнулась маленькой страдальце.

– Пошла ты... – очень вежливо ответила девочка и демонстративно отодвинулась на самый край лавки.

«Если бы могла, не просто пошла бы отсюда, а побежала», – с горечью подумала я, не ожидавшая столь откровенной враждебности.

В моем мире такое состояние называлось бы шоковым – я застыла на месте, не в силах даже пошевелиться, почти что окаменела, ошеломленная перспективой надолго задержаться в этом жутком мире, где стала ра-бы-ней.

– Только попробуй чего-нить своровать, все доложу, – предупредила горбатая малявка строго.

– Я ничего не возьму.

– Вот я и прослежу. Затем к тебе приставлена.

Кроме собственно наблюдения за поведением незваной гостьи, девчонка занималась тем, что чесалась, сморкалась, ковырялась в носу и время от времени грызла черствую корочку. Кто бы мог подумать, что один маленький человек способен издавать столько мерзких звуков. И когда явилась Марфа Петровна, я уже была почти счастлива лицезреть ее круглую физиономию с застывшим брюзгливым выражением. Мало того, что ключница прогнала горбунью, так она еще и поесть принесла – миску с кашей.

Оказывается, я весь день ничего не ела и не пила.

– Ты же не думаешь, что тебя, чучело этакое, за один стол с честными людьми посадят? – спросила она с вызовом.

Что правда, то правда, настоящее чучело огородное. В летнике крупной в кости и широкоплечей боярыни с легкостью поместились бы трое таких, как я.

Мне очень захотелось поставить наглую тетку на место, но по здравому размышлению я решила промолчать. Не зря же примерно в эти времена придумана поговорка про свой устав и чужой монастырь.

– Да уж, боярские обноски еще не делают рабу человеком, – фыркнула Марфа, порядком разобиженная отсутствием реакции на свои слова.

«Погоди-ка! Да ты же ревнуешь! – догадалась вдруг я. – Вся эта болтовня про баню тебе как нож в печень. Вся аж пожелтела от злости...»

И на беду свою удержаться от усмешки не смогла. Уж мне-то, работавшей когда-то в чисто женском коллективе, как не узнать знакомый до боли симптомчик.

– Что ты лыбишься, мразь? Готовишься ублажать хозяина? – прошипела Марфа. – А то смотри, не понравится ему – выпорот. Он в своем праве.

И затолкала меня в уже знакомую горенку, уставленную сундуками и комодами, закрыв снаружи на засов. Ни лучины не дала, ни свечи, мстительная ревнивица. Как хочешь, так и сиди в темноте и дожидайся, когда явится хозяин. А что-то мне подсказывало, что тот обязательно зайдет навестить подопечную.

А с другой стороны, я не принцесса и не почетная гостья, и даже не равная, я – рабыня, а с невольницами в Средние века особо не церемонились. Шестнадцатый век – это, знаете ли, не самое гуманное время в истории человечества. Стра-а-ашно!

Посулы вредной ключницы сбылись, когда все обитатели усадьбы уже видели третий сон. Кроме меня. Как ни вертелась, а так и не смогла заставить себя успокоиться. От запаха ладана просто раскалывалась голова, и в нее лезли самые разные мысли. Все больше о том, как бы изловчиться и вернуться домой, в родной и такой прекрасный двадцать первый век с его правами человека и остальными приятными мелочами, вроде горячей воды и канализации. Ночной горшок, красовавшийся в углу, весьма способствовал обострению внезапной ностальгии по утраченным благам цивилизации.

Сначала мне показалось, будто мышь шуршит в подполе, а то в горницу хозяин-сид проник. Не иначе, просочился в щель, потому что дверь, помнится, я подперла сундуком. Впрочем, загадками терзаться не пришлось. Диху наколдовал свет и, алчно зыркнув глазами, занялся самыми что ни есть собственническими делами: к лежбищу девичьему подошел и одеяло с меня – дерг!

А потом и говорит ни с того ни с сего:

– Перевернись и не дергайся.

Но я именно что задергалась, давай обратно одеяло натягивать и брыкаться. Несильно и вовсе не так агрессивно, как могла бы, но давая понять, что не согласна на осмотр.

– Что вы делаете? Что вам надо от меня?

Мужчина зашипел сквозь зубы, тихо так и жутко. И пригрозил:

– Захотела в людскую? К ним?

Его чуть раскосые глазищи полыхали зеленым злым огнем. И я покорно, зажмурившись от безотчетного страха и закусив губу, перевернулась на живот.

– Вот и умница, – и мужская ладонь мягко легла мне на затылок, а другая прошлась по спине сверху вниз – от шеи и ниже – почти нежно. Вернее, я бы могла счесть прикосновения нежными, кабы меня всю не трясло в нервном ознобе. Именно сейчас я доподлинно поняла, что значит быть чьей-то собственностью.

– Да не трясись ты, девушка. Нужна ты мне очень... Иные королевы за честь считали в спальню пригласить, а ты тут зубами клацаешь. Кстати. Ты ведь не девственница?

– Нет. Сейчас... то есть у нас... это не важно в общем-то.

– Ага... – продолжая поглаживать меня по спине, мурлыкнул рабовладелец. – Хорошо. С девицами мороки много, а толку мало... Оспой переболела?

– Нет. У нас таким не болеют, – с гордостью за свою эпоху заявила я и решила на всякий случай добавить: – Зато я от столбняка, дифтерии, коклюша, полиомиелита и туберкулеза привита.

И чувство у меня было такое, словно очередную анкету для поступления на новую работу заполняла.

– Это у вас – не болеют, – заметил хозяин. – Перевернись. Чумой у вас тоже наверняка не болеют уже, а здесь – запросто. – И посмотрел прямо в глаза. – Это очень грязный мир, девушка. Опасный. И ты в нем беззащитна. У тебя была кошка, или собака, или птичка какая-нибудь, а? Домашний любимец?

– Кошка была. Даже целых две.

– Кошки живут меньше, чем люди, – меланхолично молвил чужеземец, и глаза его затуманились то ли давними воспоминаниями, то ли приятными ощущениями, потому как обе его руки ни на миг не прекратили поглаживания. – Ты наверняка их любила, гладила... разговаривала с ними, да? И плакала, когда сдохли. Вот и мне не хочется, чтоб моя... добыча загнулась от какой-нибудь человеческой хвори. Или от родов. Поэтому никаких беременностей, поняла?

Я онемела от такой откровенности. Но призадумалась. А ведь хозяин-то прав! Дела с женской смертностью обстояли плачевно практически до конца девятнадцатого века. Пока акушеры не научились руки мыть, тетки мерли при родах, как мухи.

Но рожать? Здесь? О нет, нет и нет! И вообще, жить здесь...

– Ни за что! Скорее я умру, чем стану здесь... это делать.

– Ну и правильно, – лукаво подмигнул мне сид. – Потому что спать с тобой я пока не буду, – рассуждал он вслух без всякого стеснения. – Даже не проси. Исключено, – глянул еще раз оценивающе. – Но пометить тебя надо.

«Пометить?» – Я уже порядком утомилась изумляться лихим поворотам в общении с этим... хозяином. Уж больно непредсказуемым тот оказался на поверку. Впрочем, не таким уж и оригинальным по части прикосновений. Щупал, лапал, трогал, хоть как называй, а своего сын Луга не упустил.

– Ну-у, ладно... метьте. – Я вдруг вспомнила, как метят территорию коты, и хрюкнула от едва сдерживаемого смеха. – А зачем вам это?

Чародей тоже хихикнул, будто мысли мои прочитал. А потом наклонился и поцеловал. Долго и сильно. Но это лобзание было каким-то странным. И правда, не поцелуй, а и в самом деле метка. Не могу даже сказать, что понравилось. Жутковатый поцелуй вышел.

Второй, более интересный, вопрос бывший Сидоров традиционно и нарочито пропустил мимо ушей.

– Ну вот, на первое время хватит, – удовлетворенно заметил он. – И не «выкай» мне, ради Богини! – Затем почти по-отечески накрыл собственность одеялом, притом не убирая ладони с груди невольницы. – Теперь спи давай.

Я настороженно покосилась на его дерзкую руку. Весьма непривычно, конечно, но почему-то не похабно нисколько. С таким же успехом сид мог ладонь мне на плечо положить. Видно же, что ему без разницы куда – хоть на пятку, хоть на макушку, хоть на коленку.

– У меня огромные неприятности из-за того кредита, – честно призналась я и как на духу поведала о своих бедах. – Вы... то есть ты ведь знал все наперед, да?

– А какая теперь разница? – равнодушно поинтересовался Диху. – Ты бы мне все равно не поверила. Вы никогда и никому не верите, особенно тогда, когда в самый раз поверить без всяких доказательств. Что, не нравится тебе тут?

– Ни капельки. Я очень хочу домой. А с кредитом я как-нибудь сама разберусь.

– Вот и мне не нравится. – Сид грустно улыбнулся. – И мне тоже, представь себе, очень хочется домой. Но я тут застрял, – он с отвращением огляделся, – по своим причинам. И ты тоже. Столько людей вокруг, а поговорить нормально не с кем! Я из Народа Холмов, девушка, из детей богини Дану. Имя мне Диху сын Луга. На самом деле имена стоит называть с осторожностью. Никогда не знаешь, кто может подслушать. Ты теперь моя, поэтому можешь звать меня по имени. Когда никого нет.

– С-спасибо за доверие. А вы... то есть ты случайно не из Ольстера?

– Нет, – отрезал сид. – Однофамилец. Мало ли Диху в Ирландии было?

Я тут же прикусила свой дурной язык и сказала себе: «Знаешь, что был такой Диху Ольстерский, друг святого Патрика, сиди и помалкивай!»

– А ты можешь вернуть меня обратно? – вкрадчиво спросила я.

– А? – Задумавшийся сид посмотрел загадочно. – Вернуть? Сейчас – нет. Прежде мне нужно решить дело с моим собственным возвращением. Но потом – возможно. Никогда не знаешь наверняка, получится ли, но отчего бы не попробовать? Но чем ты расплатишься со мной за это?

Тут было, о чем поразмыслить. Я не видела причины таиться и ответила откровенно:

– Я, конечно, не золотая рыбка, трех желаний исполнить не могу. Да и откуда мне знать, чего желает сид? А что бы ты хотел от меня? Может, в нашем мире оно уже есть?

Заинтриговать Диху возможностями, которые предоставляет двадцать первый век, было бы очень разумным подходом. Тогда он точно вернет меня домой!

– Нет, в твоём мире *этого* точно нет. Я проверял, – равнодушно пожал плечами сид. – Пока ты – моя кошка. Говорящая, впрочем. Я буду кормить тебя, говорить с тобой, брать тебя в постель. Ты мне обязательно пригодишься. Докажи сначала, что разумна и способна хоть на что-то, а там поглядим. А теперь вставай. Я передумал – спать ты будешь со мной, так что идем.

– В каком смысле спать?

«Вот те раз! То собственность, то домашний зверек!» – озадачилась я внезапной переменной со стороны Диху.

– В моих покоях плохо натопили, – честно признался тот. – Из мелочной человеческой злобы, безусловно. Будешь греть мне постель. Да, и надо придумать тебе имя! Там, куда мы едем, твоё привлечёт неуместное внимание. Мм... Екатерина... Кэти? Китти? Кэт?

Дождаться, пока рабыня соизволит исполнить приказание, сид не собирался. Он схватил меня за руку и почти что волоком потянул к двери. Как плюшевую игрушку за лапку. И сильный оказался, точно тяжелоатлет, нипочем не вырваться из его цепких пальцев.

Насильно влекомая за хозяином, я меж тем рассуждала на удивление трезво и здраво: «Быть кошкой сида? А что? Всяко лучше, чем сенной девкой, прачкой или скотницей у боярина Корецкого. Диху – не человек, поэтому человеческой жестокости и подлости от него можно не ждать. У ирландских бывших богов собственная гордость и подлость».

– А давай ты будешь звать меня Кэтрин?

– Пусть так, – легко согласился сид и, распахнув свое одеяние, набросил на меня полу, заодно к себе прижав. – Фет Фиада, дар невидимости, – пояснил он. – Удобно, когда всюду полно недружелюбных глаз.

Темным коридором, невидимую и никем не замеченную, он провел меня в свою горницу, где, к слову, у него настоящая кровать стояла. Даже с простыней!

Невольницу сид по-хозяйски положил к себе под теплый бок.

«Точь-в-точь как я свою Баську», – мрачно подумалось мне.

– Мурлыкай, – приказал вдруг Диху.

– Что-что?

– Ты прекрасно слышала, – жестко рыкнул он. – Ну? Или отправишься греть мне пятки. И пребольно толкнул острым локтем под ребра.

– Мур, – неуверенно прошептала я, совершенно сбита с толку. – Мур. Мур-мур.

– Хорошо... – Сын Луга сладко зевнул и поощрительно погладил меня по голове. – Хорошая Китти.

– Мур-мур-мур-мур...

А что оставалось делать-то?

Кеннет Маклеод, 1484 год

Когда непутевый сын славного и гордого клана отправляется в изгнание, не нужно думать, будто ему придется брести в рваном рубище по дороге, босыми ногами месить грязь и попрошайничать пропитания ради. Хрена с два он согласится на такое изгнание! Грозный папаша даст ему и увесистый кошель, и флягу с вином, и парочку бесшабашных родичей в компанию. Но сначала, само собой, отходит дубинкой по горбу, выражая свое родительское горе и разочарование в единственной доступной и понятной форме. А уже потом, когда дитятко утрет кровавые сопли, они на пару напьются в хлам, да так крепко, что поутру лишь усилиями всех домочадцев получится вытолкать изгнанника за ворота. Так-то вот!

Словом, похмельные муки Кеннета Маклеода целиком заглушили горечь расставания с родным домом. Не слышал он также вздоха облегчения, который испустила его достойная мать, когда ворота закрылись за широкой сыновней спиной.

– Кабы не знала точно, что зачала его от Иена, то решила бы, что я этого говнюка в подпитии с каким-то поганцем-сидом нагуляла, – молвила она задумчиво и пошла следить, как свинья поросится. Дело нужное, всяко поважнее проводов изгнанника.

И это были последние слова, сказанные о третьем сыне Иена Маклеода в пределах земель клана. Касательно же недоброй памяти, оставленной Кеннетом по всей горной Альбе, тут дело иное. Скажем, в присутствии Кемпбеллов даже имя его упоминать не стоило. Шибко насолил им потому что. Да и кому только не успел насолить Кеннет, сын Иена, за последние пятнадцать лет? Взять хотя бы Макдональдов... Но лучше не брать. От греха подальше и для здоровья будет полезнее.

Окончательно протрезвел дерзкий Кеннет лишь на второй день, а так как свой отъезд он помнил весьма смутно, то и сожалений об утраченном не испытывал. Вместе с остатками хмеля его покинула и обида на суровое решение вождя Маклеодов. В изгнание, так в изгнание. И к чему спорить, ежели слово Иена – закон для всех. Теперь главное – не нарваться на кого-то из многочисленных врагов, разобиженных его бесчинствами.

– Завязываем напиваться, – объявил он своим спутникам, а по совместительству – троюродным по материнской линии братьям, Линдси и Хью. – А то ведь выследят и прирежут во сне, как пить дать.

– Точно, – икнул Линдси. – И трахнут.

– Но сначала прирежут, – уточнил более смазливый, но успевший прославиться буйными выходками на почве любовных дел Хью. – В Глазго, к слову, нам дорожка заказана.

– Знаю, – буркнул Кеннет.

Появляться в вотчине Кемпбеллов, которая лежала как раз на пути вдоль побережья, ему совсем не улыбалось.

– Тогда куда двинем? В Эдинбург?

Линдси давно рвался в большой мир и воспринял изгнание родича как лучший и единственный шанс людей посмотреть и себя показать.

– С одной стороны, неплохо было бы забуриться в Дублин, а оттуда можно хоть в Нормандию, хоть во Францию, – рассуждал он вслух. – Да и к норгам наняться самое оно будет. Данию там воевать или еще где.

– Ты ж в теплые страны хотел податься, – напомнил Хью. – Туда, где смуглые девки водятся.

– Не вали с больной головы на здоровую, братан. Мне и нашенские бабы вполне по душе.

Кеннет в дискуссию о преимуществах дальних стран и приятных особенностях живущих там девок не вступал лишь потому, что и сам не знал, какие страны хотел бы увидеть. Когда ты сызмальства уверенно держишь в руках меч, то разницы особо никакой нет, кому из земных вождей предложить свои услуги. Лишь бы от Кемпбеллов подальше. И Макдональдов... ну, и Камеронов тоже. А если еще и платить станут без обмана, то совсем хорошо.

Зима уже к Имболку катилась, но холод на горных перевалах собачий стоял, и только дурак последний в такое время отправился бы блуждать без цели, рискуя и самому околеть ночью от мороза, и лошадь погубить.

– В Килфиннane все обмозгуем как следует.

Кеннет Маклеод излишней болтливостью никогда не страдал, к тому же по-прежнему оставался сыном вождя, посему его решение поддержано было спутниками единогласно.

– Переживает, чо, – понимающе хмыкнул Линдси, глядя, как резко нахлестнул своего коня троюродный братец.

– Думаешь? – усомнился Хью. – По морде-то и не скажешь.

– Так то морда! А грамотные, они всегда переживают, по поводу и без того. Я те точно говорю.

Кому-кому, а Линдси верить можно на слово. Этот балабол кого хочешь уболтает-убедит в своей правоте. К тому же не зря Иен Маклеод беспрестанно твердил каждому встречному, будто Кеннета непоправимо испортило умение читать и писать. Когда к привычным для уроженцев горной Альбы разбойничьим наклонностям мужчины добавляется немалая толика учености, это сочетание чревато крупными неприятностями для всех. Как говорится, один умник натворит вдвое больше, чем десять дурней. А все гордыня маклеодовская! Гордыня бесовская и непомерное честолюбие. Мол, мы тут на севере тоже люди современные – детей грамоте учим и за ценой не стоим. А теперь уж сделанного не вернуть. Поздно!

Что бы там ни болтали злые языки, а за суровой внешностью скотта скрывалась весьма противоречивая натура, и Линдси с Хью лучше всех прочих понимали – самое время попридержать языки и дать Кеннету обдумать их совместное будущее.

По здравому размышлению, изгнание из земель клана было единственной возможностью для Кена вырваться на свободу. И когда бы нашелся смельчак, чтобы поставить перед горцем вопрос ребром: дескать, до каких пределов желаешь ты дойти, Кеннет Маклеод? Тот бы по примеру Александра Великого ответил: «До края земли, до индейских земель и Поднебесной империи, самое меньшее». Чем храбрый скотт из могущественного клана хуже древнего царя? Да ничем!

Размечтавшийся горец – клад ценнейший для любого корчмаря. Выпьет за успех начинаний столько, сколько в глотку войдет, и, пока замертво не рухнет под стол, не остановится – это все знают. Однако изгнанник и тут разочаровал честных людей. Ограничился одной кружкой эля и друзьям своим под носы кукиш сунул, предостерегая от питейных излишеств. Только зазря жители деревушки всю ночь прождали пьяного разгула и поджогов. Чертов Маклеод даже морду никому не начистил! Подонки, однозначно.

– Чет не нравится мне, как они на нас смотрят, – бормотал себе под нос Линдси, когда с товарищами покидал деревню на рассвете. – Как бы в спину не стрельнули сгоряча.

– Пусть привыкают, – ядовито прошипел Кеннет, подразумевая, что без его художеств народец окончательно закиснет со скуки.

– Надо было хоть девок за жопы пощипать напоследок, а то аж неудобно перед людьми, – не унимался Хью, мучимый укорами совести.

– До Дублина потерпишь! – рявкнул изгнанник, обрывая стенания соратника на полуслове. – Заткнитесь оба!

Когда кто-то из Маклеодов гневно хмурит брови и сжимает губы куриной гузкой, болтунам дешевле выйдет попридержать языки за зубами. Чем Линдси с Хью и занимались почти весь день. Умаялись, конечно, но приказа вожака послушаться не посмели. А Кеннет, знай себе, с высоты седла зыркал по сторонам и ладонь на оголовье меча опускал при каждом подозрительном шорохе. Не верилось, что Кемпбеллы захотят упустить свой шанс поквитаться с ненавистным Маклеодом. Но то ли в холодрыгу такую сплетни разлетались по горной Альбе медленнее обычного, то ли метель хорошенько замела следы изгнанника, схоронив их от глаз недругов, кроме поземки, никто за путниками не увязался, а кроме волчьего воя – не преследовал. От необъяснимого отсутствия любой опасности да в приближающихся сумерках Кеннет совсем покой утратил. Так ведь не бывает! И таки извелся бы от тревожных бдительный горец, кабы не нашлось вскоре всему внятное объяснение.

На перекрестке у древнего путевого камня, как и полагается в таких случаях, трех путников поджидала старушка с рябиновым прутиком в ручонке. Ветер не осмелился коснуться ее седых волос, растрепать косу, а мороз – укусить за острый нос и впалые, изрытые морщинами щеки. Кену ничего иного не оставалось, как выдохнуть с облегчением и поспешить сдернуть с головы шерстяной берет.

«О! Уже интересно!» – сказал он себе, спешиваясь, и с почтительным видом приблизился к старушке, ведя коня в поводу.

Глава 4

«Никто не скажет, будто я тиран и сумасброд»

Кайлих

Истинно говорят, что даже самая сторожкая дичь однажды попадает в капкан, если охотник терпелив и ловок. Случается так, что хитрюги оборачиваются простаками, речистые немеют, а мудрейшие дают такого маху, что иначе как промыслом судьбы не объяснишь конфуза.

Диху уже случалось промахиваться, но никогда прежде мстительная дочь Ллира так явственно не чуяла его след. Он назвал ее имя, глупец. Словно забыл за давностью, что зимняя ночь и ветер донесут его дыхание до ушей Кайлих, где бы он ни был, в какую бы щель ни забился. Или сын Луга так долго прожил среди смертных, что запомнил о власти имен? Похоже на то!

Но осторожность изменила Диху ненадолго; всего лишь миг, бесконечное мгновение, когда Кайлих почти слышала биение его сердца, видела отблеск духа сына Холмов, который никакой маскировкой не скрыть. Мгновение, которого ей вполне хватило, впрочем. Другое дело, что на этот раз увертливый противник устроил себе лежку действительно далеко. Нет, за Великую стену царства Мин не улизнул и среди древних стен Константинополя не пригрелся, но, если смотреть с перевала в Альбе, то и этот, как его... Новеград не намного ближе.

А потом он тотчас закрылся, пропал, будто и не было его никогда. Словно Кайлих померещилось. Однако чувствам своим сида вполне доверяла, а Дымному зеркалу – еще больше. Там он, там... А что прикрылся чем-то, как щитом, так это ведь не навечно.

– Сдается мне, что надобно отправляться в путь, – вслух подумала дочь Ллира и кивнула сама себе.

В прежние времена, когда Страна-под-Холмами и миры людей сплетались меж собой гораздо теснее, подобно юным возлюбленным, Кайлих оседлала бы первый попавшийся под руку ветер и домчалась за пару ночей. Но старые любовники охладели друг к другу и расходились все дальше. Теперь, чтобы добраться до убежища Диху, сиде придется самой выйти в подходящий человеческий мир и, разумеется, примерить человеческий облик. Ну, а как иначе? Правила есть правила. Договор между Народом Холмов и смертными был выгоден обеим сторонам и соблюдался более-менее строго. Некоторые прецеденты не в счет. И коль скоро речь идет не только о мести, Кайлих не позволит себе отступать от правил слишком далеко. Разве что чуть-чуть. Например, найти того, кто послужит ей проводником по землям смертных.

Лучше всего для таких целей подходит родня, даже если она столь дальняя, что и сама уже почти забыла о тонкой струйке общей крови, текущей в жилах. Взять Маклеодов, к примеру. Экую байку сочинили за бесконечную череду поколений, однако кроме выдумок в старой сказке хватает и правды. Одна из многочисленных родственниц Кайлих действительно оказалась настолько непутевой, что связалась с прародителем этих самых Маклеодов. Еще бы она устояла, когда в том смертном текла кровь самой Кайлих. В других мирах нить эта прервалась, но не здесь. В нынешнем поколении как раз уцелел подходящий прапрапра... короче, очень далекий внучатый племянник.

– Экий оболтус! – снисходительно умилилась Кайлих, немного понаблюдав за выходками родича. В голову его папаши даже не пришлось вкладывать мысль о вышвыривании неслуха за родительский порог. Сами, все сами. И парень постарался, и родитель не сплывал. На долю сиды только и осталось, что поиграть немного с ветрами и дорогами, да и выйти на перекресток вовремя, чтоб «племянник» мимо не проехал.

Кеннет

Скотты испокон веков с Народом бок о бок живут, им не привыкать к тому, что встреча с кем-то из бессмертных никогда не бывает случайной. Смертный, конечно, может оказаться не в то время и не в том месте, когда сиды его не ждут, но только на собственную беду. В остальных случаях Добрые Соседи себя являют в тот момент, когда им самим нужно. Вот как сейчас, например.

– Доброго тебе вечера, Добрая Матушка, – бестрепетно сказал Кеннет.

Линдси же с Хью косились на сиду с нескрываемым ужасом, пораженные внезапной немотой. Она и вправду выглядела так, словно собиралась испробовать молодцев на зубок.

Окинув одобрительным взглядом внука, старуха, в облике которой предстала дочь Ллира, хихикнула и показала в усмешке длинный желтый клык.

– Э, нет, парень, матушкой тебе меня никак не стоит величать. А вот... хм... тетушкой – пожалуй! Хе-хе-хе...

Неуловимо быстро, одним движением, невероятным для столь щедедушного тела, она переместилась поближе к путникам и обошла их кругом, поцыкивая зубом.

– Ну что ж... И впрямь неплох ты, Кеннет, сын вождя Маклеодов. Пожалуй, мне не зазорно признать тебя родней. Здравствуй, родич. Узнал ли меня?

Что правда, то правда. Было дело, однажды роднились смертные Маклеоды с сидами. И в жилах Кена текли две-три капельки дивной крови. По крайней мере, матушка этим фактом все его выходки любила объяснять.

– Тебе, конечно, виднее, – дерзко ухмыльнулся он, не удержавшись от неуместного сарказма. – Тетушка так тетушка. Рад встрече и сочту за честь свести с тобой знакомство.

Его спутники, доселе робко топтавшиеся в сторонке, не сговариваясь, сделали несколько шагов в сторону ближайшего куста, задумав стрекача дать. Оно и понятно, языками чесать про Маклеодова предка, с девой из Народа женихавшегося, проще простого, а прямоком в глаза страшной бессмертной старухе заглянуть не каждый кланник отважится.

Смертный парень так восхитительно резво устремился в расставленную ловушку, что сида разве что ладони не потеряла. С ними, молодыми да бойкими, всегда так. Сколько бы ни предупреждали их бабки и няньки о том, какие опасности подстерегают заносчивых молодцов на горных тропинках, все им нипочем. Покуда не влипнет гордец прямоком в старинную сагу, ни за что не вспомнит бабкиных сказок. И будь Синяя Старуха в более игривом настроении, вполне возможно, что юноша тут же поплатился бы за дерзость. Однако Кайлих была не расположена шутить, да и юнец, как ни крути, приходился пусть смертным, но все же родичем. Фыркнув, она наставила на него прутик и молвила строго:

– Похоже, ты в дороге немного подрастерял учтивость свою, а, наследник Маклеодов? И совсем чуть-чуть память, а?

Кто б сомневался! Сиды, они шуток не любят и обид не прощают. Ледяной тон женщины, точно ветер с моря, мигом сорвал с Кеннета ветхий саван нахальства. Прикусив дерзкий свой язык, горец прижал кулак со стиснутым в нем беретом к широкой груди и поклонился еще ниже.

– Прости, Добрая Тетушка, коли речь моя показалась тебе недостаточно учливой. Замерз, понимаешь, мозги чуток отморозил. С нами, со смертными, случается. – Мысленно он вмазал себя ножнами по лбу. В основном за отсутствие должной осторожности, потребной при общении с сидами, но и за то, что с такой легкостью попался в расставленную ловушку – тоже. Однако давать обратный ход поздно уж было.

– Ежели виноват, скажи, как загладить вину. Сделаю.

Ну вот! Пусть мальчишка все равно не осознал до конца, с кем имеет дело, однако норов свой придержал. Уже хорошо, а для щенка Маклеодов так и вовсе замечательно. Этих жеребчиков сколько ни хлещи, а все равно взбрыкнуть норовят.

– Прощаю, – легко отмахнулась сида. – Такие пустяки не стоят того, чтоб долго таить обиду на родича. Но хватит игр. – Она встряхнулась, как мокрая птица, и вместе со снегом сбросила десятка три лет. – Думается, такой облик придется тебе по нраву больше, юноша. – Преображенная из старухи в цветущую осенней красотой женщину, сида подмигнула зеленым глазом, блестящим, как последняя трава сквозь изморозь. – Я – Кайлих, дочь Ллира, из Племена Холмов, хотя вы чаще именуете меня Синей Хаг. Но ты, будущий вождь Маклеодов, можешь звать меня тетушкой Шейлой. Ну? Давай, вспоминай правила! Или мы будем торчать на этом перекрестке вечно?

В один миг облетела уродливая старость листопадом, обнажив отнюдь не голые ветки, но спелые летние плоды женской зрелости. Волшебство сидов, схожее по красоте и естественности лишь с буйством природных стихий, повергало в трепет и более стойких, а уж нынешнее-то поколение горцев и вовсе ничего подобного видеть не могло. Кеннет с собой едва совладал и смог говорить, только когда дыхание перевел.

– Почему ты называешь меня наследником и будущим вождем, о... тетушка Шейла? – спросил он сдавленным шепотом. – Я всего лишь третий сын, к тому же изгнанник, и два старших брата моих здоровы, сильны и покорны воле вождя Иена.

– Потому что так и будет, – пожала плечами сида, довольная, что теперь все наконец-то пошло так, как и положено по традиции. Как предписывают правила, волшебная родня из-под-Холмов предрекает юному воину блестящее будущее, которое вполне может сбыться. В конце концов, в мире людей существуют болезни и несчастные случаи, падения с лошадей и набеги соседей, и не нужно быть провидицей, чтобы вполне точно предсказать грядущее отпрыскам воинственного клана. У изгнанника, одаренного удачей сидов, шансов уцелеть гораздо больше, чем у его буйных братьев рядом с отцовским очагом.

– Не сейчас, конечно, но что такое десяток-другой смешных человеческих лет? И, разумеется, для этого ты должен остаться жив, юноша, – уточнила Кайлих. – Но как раз об этом я и намерена позаботиться. В обмен на услугу, как водится. Ну-ну, ничего такого, что повредило бы твоей душе, родич. Видишь ли, я отправляюсь в путешествие и по праву родства намерена оказать тебе честь сопровождать меня. Тебе же хочется повидать дальние страны и дворы заморских королей, а?

Исходи столь заманчивое предложение не от родственницы из-под-Холмов, Кеннет все равно ухватился бы за него, как за последнюю соломинку. Аж вспотел весь, и нательная рубашка насквозь промокла, а самая что ни на есть дурацкая улыбка, достойная младенца, узревшего мамкину титьку, едва-едва на губах не расцвела. Однако гордый сын Маклеодов из последних сил сдержался и молвил со всей доступной серьезностью:

– Считается, что душа смертного – открытая книга для Добрых Соседей, а значит, не мне объяснять тебе, тетушка Шейла, что путешествия в далекие страны – самое заветное из моих желаний.

И поклонился низехонько, до самой земли, по-прежнему не веря в свою удачу.

– Вот славный молодец! – милостиво кивнула «тетушка». – На время пути я, пожалуй, избавлю тебя от необходимости быть излишне учтивым. Можешь обращаться ко мне как... как к старшей родственнице. Только не очень увлекайся, – и погрозила прутиком. – А теперь, добрый племянник, окажи мне первую услугу. Слепи из снега лошадку. Не бежать же мне следом, держась за хвост твоего жеребца! А для того, чтобы ехать с тобой на одном коне, я, родич, недостаточно стара! – и рассмеялась, поддразнивая зардевшегося Кеннета. Подумать только, как легко смутить этих дерзких парней! В такие моменты Кайлих чувствовала себя по-настоящему молодой.

Окинув «тетушку Шейлу» достаточно учтивым, но весьма заинтересованным взглядом, Кеннет с предложением всецело согласился. Сидские дамы, они такие. Ух, они какие... если верить легендам. А коли ты такой Фома неверующий, то свои-то глаза обманывать не станут. Тетушка Шейла преобразилась в даму... мм... вдохновляющую. И даже волнующую, чего уж там лукавить. Стоило оценить деликатность родственницы, решившейшний раз не искушать чувства смертного мужчины. Оттого, не жалея рук и фантазии, Кеннет бросился ваять лошадку. И пусть получилась она скорее собачкой, но будем считать это художественным допущением.

– Ну, не Лисипп, конечно... – Тетушка Шейла обошла лошадку-собачку, критически ее осматривая, и улыбнулась. – Но это и хорошо. Мне воин потребен, а не скульптор, тем паче, – она подмигнула, – что не каждого художника можно по праву назвать мужчиной, а?

Главное юный Маклеод сделал. Из фигурки, вылепленной человеческими руками, получится настоящая лошадь, которая не растечется клочками тумана при звуках церковного колокола. Надо лишь чуть-чуть помочь... так... ну-ка...

Рябиновый прутик очертил контур снежной лошадки, две алые ягоды сверкнули живым блеском глаз. Кайлих склонилась к морде этой диковинной зверушки и вдохнула в нее жизнь и магию, поделившись крохотной частичкой сути самой древней Альбы.

Белая кобылица нервно переступила тонкими ногами и всхрапнула. Да, пожалуй, от такой не отказались бы и короли Эрина.

Люди, как известно, привыкают быстро и к плохому, и к хорошему, и к обыденности, и к чуду. Кеннет, на глазах которого случилось третье волшебство кряду, восхищенно поцокал языком, но так же быстро утратил энтузиазм.

– Осмелюсь напомнить тебе, тетушка Шейла, что в мире смертных за последнее время расплодилось бесчисленно всяческих подонков, которых это животное привлечет как пчел на мед. Боюсь, не отбиться мне от разбойников, и тогда пророчество твое непременно пропадет втуне. Одним словом, убавь коняшке привлекательности, прояви достойное Народа благоразумие, будь так добра и любезна.

– Да? – Сиды слегка расстроилась. – Слишком приметная, да? – И вздохнула: – Ладно, ты прав, племянник.

Взмах прутика – и волшебная кобылица уменьшилась в росте, обзавелась мохнатыми щетками над копытами и сменила масть на невнятно-соловую. Совсем уж в клячу Кайлих свою лошадь решила не превращать, однако теперь дивное творение не слишком отличалось от земных коней. Такая же невысокая и толстоногая. – Так лучше?

– О! Совсем другое дело! – возрадовался смекалистый Маклеод. – Весьма достойно. Позволь придержать тебе стремя, тетушка?

– Позволяю. – Почтительно подсаженная на лошадь, сиды уселась по-дамски, заметив: – Твоя тетушка Шейла, похоже, слегка чудаковата. Должно быть, она слишком много времени провела в уединении за вышивкой гобеленов, хи-хи... Так что не стесняйся проявлять инициативу, дорогой родич. Ну, едем! До полуночи хотелось бы добраться до ближайшего селения... как бишь его там?

– Килфиннан, моя госпожа, – напомнил Кеннет и подмигнул соратникам, которые испуганными ягнятами жались чуть поодаль. – Место доброе, заночуем там.

– Отлично, – согласилась Кайлих. – Там и обсудим наш дальнейший путь. Веди!

Катя

Суженый-ряженный, приди ко мне наряженный... Явись мне, суженый мой! Он подошел сзади, обнял за плечи сильными руками, дыханием взъерошил волосы на затылке и мягко развернул меня лицом к лицу, чтобы поцеловать. Но губы остудил зимний стылый туман, смыв желание с разгоряченной кожи. Развеялся на пронзительном ветру смутный

образ. Как пришел, так ушел, не оставив после себя ничего, кроме невесомой паутины грусти.

И я проснулась, ничего не помня, если не считать щемящего чувства потери. Словно разминувшись во сне с кем-то нужным и важным. И хозяйские объятия сына Луга ни при чем. Как с кошкой под боком или с собакой – тепло, но рано или поздно окажешься на самом краешке кровати, вытолкнутая эгоистичным любимцем. Смешно, я считаюсь домашним животным, а Диху себя ведет точь-в-точь как кошка.

Однако не зря же говорят про утро, которое всегда мудренее вечера. Хорошенько выспавшись и отдохнув, я уже не смотрела в будущее с таким отчаянием и обреченностью. В конце концов, со мной случилось самое настоящее Приключение! Открытия прошедших суток прорвали плотину страха и обрушились на меня, словно волна. Альтернативный мир, другой век, реальное волшебство, живой сын богини Дану, и... Да, черт возьми, моя любимая Новгородская республика – не загубленная Иваном Третьим, а здравствующая и процветающая. Возможность увидеть все это собственными глазами – вовсе не мелочь, от которой можно запросто отмахнуться. А еще это способ на какое-то время сбежать от проблем в нашем мире. С условием, что потом Диху вернет меня назад. Он же вернет?

И я занялась самым человеческим из дел – начала строить догадки и версии. Рядом со мной сопел бывший ирландский бог, который запросто ходил между мирами. И нет нужды быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: раз Диху был так настойчив, значит, есть во мне нечто, крайне необходимое волшебному существу.

«Правда, кое до кого, не будем указывать пальцем, это дошло только через сутки, – честно призналась я себе. – Явно не от большого ума».

Сидя следовало изучить, понять, заслужить доверие хотя бы просто потому, что зеленоглазый сын Луга – единственный, кто сможет вернуть меня домой. Или это сделает кто-то из его волшебных родственников, или...

И в этот момент сыночек Луга облапил новую «домашнюю зверушку» за все места и потянулся за поцелуем.

Диху

Давно ему не спалось так сладко. Правду сказать, ему вообще давно не спалось. Стоило смежить веки здесь, в мире смертных, и насмешница-память возвращала изгнанника туда, в то время и место, куда возвращаться не следовало. У страны грез зыбкие границы, и за пеленой тумана чутко сторожит месть, страшная и заслуженная. О да, вполне заслуженная. Но сегодня...

...Скажи мне теперь свое имя, о дева шелковых бедер и сладостных объятий.

Но она, смеясь, змейкой выскальзывает из рук, струится, перетекает, окутанная туманным облаком серебристых волос. Наклоняется, колыхнув полной грудью. Зеленые глаза лукаво блестят сквозь спутанные пепельные пряди.

– Скажи прежде свое имя, о герой, лежавший со мной без даров и договора! Назовись, поймавший меня, будто форель в стремительном потоке!

И гордость отмыкает уста прежде, чем разум остановит хвастливое:

– Я – Диху сын Луга, девушка, и нет для смертной девы бесчестия в том, чтобы лежать со мной.

Смех бьет по ушам наотмашь. Она выпрямляет стан, отбрасывает назад волосы и, крепко удерживая его бедра ногами, изгибается, торжествуя:

– Ах! Воистину слеп ты, сын Луга!

Синие узоры татуировки расцветают на ее коже, извиваясь и наполняясь силой. Могущественные узоры. Смертная? Как бы не так!

Оглушенный наслаждением, он стонет сквозь стиснутые зубы и видит, как сияет ее запрокинутое лицо, так же искаженное страстью, но – сытое... Припухшие от поцелуев губы изгибаются в насмешливой улыбке.

– Ах, воистину слеп! И на слова так же скор, как и на любовь, Диху Благого двора! Так скор и так неосторожен!

– Чем мне расплатиться с тобой за это бесчестье, моя госпожа?

Голос повинует не сразу, и слова слетают с губ рывками, будто вспугнутые птицы.

Зеленый взгляд напротив темнеет и становится жестким. Неблагая. Она – сида Неблагого двора, и он только что отдал себя ей в руки.

– А это мы решим, когда ты сумеешь найти меня, о Диху-нетерпеливый. И узнать мое имя сумеешь. А до этого ходить тебе в должниках, сын Луга, прежде целующий деву, а лишь затем спрашивающий о ее имени и роде!

Горячее тело под пальцами растекается туманом. Она ускользает порывом ветра, качнувшимся вереск, и он остается лежать навзничь, распластанный под равнодушным взглядом луны.

– ...О Кайлих трех Даров и трех проклятий! – пробормотал Диху прямо в мягкие губы, покорно дрожащие под его губами. – Кайлих жестокосердая, дева семи битв и семи побед... Что ты делаешь со мной, возлюбленная? Разве еще не довольно?..

И тут же он понял, что губы не те. И отпрянул, раздраженно щурясь.

– Что за...

Глаза у девы-эмбарр были перепуганные, круглые и блестящие, словно камушки. И такие же бессмысленные.

– Тыфу! – Сид откатился в сторону и бросил, глядя в потолок: – Извини. Увлёкся.

– Мяу... – догадалась отозваться его послушная грелка. Судя по голосу, дальше сонных поцелуев дело не зашло. И то радость.

Мир грез только подразнил. О Кайлих, не твоих ли чар дело эти сны? Или то просто память бессмертного, у которой нет дна?

– Я извинился, – хмуро напомнил сид и успокаивающе погладил эмбарр по плечу. – Я не трону тебя.

Не так уж часто он держал обещания, данные смертным, но не в этом случае, не с этой смертной. Кровь не водица, а совести и морали у детей Дану отродясь не водилось. Сдержаннее надо быть. Или не надо...

Нет, то была не Кайлих, конечно, и даже не ее голос. Память, будь она неладна. Никакой щит не укроет от нее. А мстительная дочь Ллира только того и ждет, чтобы он сдался, изможденный укорами прошлого. Ищет, о Богиня, как же она его ищет! Сон ясно говорит об этом, как и о том, что рано или поздно – найдет.

– Это мы еще посмотрим, – посулил Диху расписным сводам потолка и сладко потянулся. Все-таки утро вышло неплохое. Бывало ведь и хуже, чем проснуться, обнимая теплую и покорную девицу. Много веков прошло, он стал осмотрительнее; если уж тешиться, то со смертной, на чьей коже не проступят синие узоры могущества в самый неподходящий момент, а глаза не сверкнут сытым торжеством.

И тут грохнула дверь, и с порога громынуло удивленным басом:

– Мать честная! Ну, ты даешь, тихоня этакий! Завалил-таки девку!

Кэтрин пискнула и уткнулась под одеяло. Диху сердито прищурился и процедил:

– Айвэн, ты – невежа. Тебя не учили прежде стучать в двери, а уже потом их открывать с пинка?

– Поучи меня вежеству, нелюдь! – огрызнулся боярин с долей смущения в голосе. – Я же в своем доме. И хватит тебе разлеживаться! Сам вчера грозился, что надобно тронуться с рассветом, а теперь, ишь, разнежился на перине-то!

– В твоей перине, – сид выскользнул из-под одеяла и недовольно передернул голыми плечами: боярин напустил холода, – было полно клопов! Печку не протопили. Сор из углов не вымели. Вон, под потолком что? Не паутина ли? – Он обвиняющим жестом ткнул пальцем вверх. – И это только часть списка. Мне продолжить, о гостеприимный друг мой?

– А и продолжь! – подбоченился Корецкий. – Чем ты еще недоволен?

– Изволь. – Диху спустил ноги на пол и поскреб пальцами ковер – шамаханский, но потрепанный. – Знаешь, что это? Это моль. Ты бы еще в чулан меня запер, дружище! А уж как твои люди обошлись вчера с моей собственностью, это вообще никуда не годится. Обрядили в обноски, накормили объедками, да еще и обругали. Хорошо ли это, Айвэн?

– Нехорошо, – признал хозяин. – Но что возьмешь со вздорной бабы?

– Твоя женщина, тебе и отвечать, – отрезал сид. – Зови ее – пусть прислужит, как должно. И чтоб одежду ей, – он махнул рукой на притаившуюся под одеялом девушку, – подобрала по росту, да поновее. У тебя есть, я же знаю, так что нечего жадничать. Я с тобой сполна расплатился, скотина ты прижимистая. Ступай теперь. Я твою ключницу дождусь, а потом приду проверить, хорошо ли ты своего мальчишку в дорогу снарядил. Ну?

– Чтой-то ты раскомандовался, дух нечистый, – ухмыльнулся Иван Дмитриевич, не выказывая, впрочем, никакой обиды. И подмигнул со значением: – Что, сладилося ночкой-то? Угодила девка?

– Не твоего ума дела, бородатый похабник! – хохотнул в ответ Диху и почесал живот. Какой-то бесстрашный клоп, чудом избежав сидского гнева, все-таки умудрился его цапнуть. – А ну, брысь!

Боярин ответил гоготом, что твой жеребец, и так, посмеиваясь, и вышел. Сид проводил его взглядом и похлопал по одеялу.

– Вылезай, Кэт. Он ушел.

Но я расслышала приказ не так чтобы сразу. Совсем недавние, так сказать, допоцелуйные размышления внезапно получили подтверждение. Сид так решительно вступился за свою собственность, что я растерялась. В цивилизованном двадцать первом веке начальство заботой и покровительством простого наемного работника обычно не балует. Дай-то бог, чтоб зарплату вовремя платили, а чтобы заступиться перед обидчиком – никогда.

В конце концов, сиду надоело ждать, и он попросту откинул одеяло. До сих пор опыта рабовладения у Диху не было, и законное, по всем правилам, обладание двуногой говорящей собственностью для сиды оказалось в новинку. Начинаящий рабовладелец, впрочем, на сей счет переживал не слишком. В мире людей вообще мало кого можно назвать свободным, тем паче женщину. Люди распределили своих самок так, что каждая кому-то да принадлежит. Отцу, брату, мужу, Богу. Те, для кого не нашлось хозяина, становятся общими, и участь их поистине незавидна. Диху не считал такое положение дел правильным, однако это их мир, их женщины и их, смертных, законы. Его же пребывание здесь временное, и статус иных смертных женщин его волновать не должен. Кроме вот этой, конкретной. Заботиться о ней, конечно, посложнее, чем о кошке или лошади, однако в чем-то даже приятнее. И Диху, припомнив то немногое, что считал нужным знать о людях и их потребностях, принялся заботиться. Как умел.

– За той дверцей, – сид ткнул пальцем в стенку, где среди ковров, прячась в завитках росписи, притаилась потайная дверь, – есть все, что нужно женщинам по утрам. Давай-ка, живенько! Я не стану ждать тебя до полудня.

Женщине по утрам надо очень многое – например, зубная щетка и паста или хотя бы зубной порошок, которых в шестнадцатом веке никто еще не придумал. За чистоту воды в кувшине я тоже поручиться не могла, но от полосканий не отказалась.

Тем временем в горницу явилась «героиня» прошедшего дня – Марфа Петровна, и я тут же приникла к щелке в двери. Уж больно интересно было увидеть, как Диху поставит вредную тетку на место. Подглядывать и подслушивать, конечно, нехорошо, но зато безопасно.

Ключница, и без того слегка взъерошенная и встопорщенная, заранее трепетала. И в дверь прошла осторожненько, бочком, держа увесистый сверток с одеждой перед собой, словно щит.

Диху прищурился, придавая себе свирепый вид.

– А-а, вот и ты, женщина. Вижу, спеси у тебя поубавилось. Или еще нет?

– Да я ж... я ж как лучше... – прошептала женщина, суетливо кланяясь. Три ее подбодка мелко дрожали. Она жалобно моргала, всем обликом демонстрируя покорность и вызывая к милосердию. Как раз к тому чувству, которого в душе сына Луга отродясь не водилось.

«Как лучше она хотела! Издевалась, как хотела, и все!» – возмутилась я.

– Забота о чужом имуществе, да? – издевательски прошипел сид. – Как трогательно! А не жмет ли тебе, женщина, тот поясок, что ты выклянчила у меня лет, помнится, пятнадцать тому? – Он вкрадчиво понизил голос и оскалился в усмешке, совершенно нечеловеческой. – Или мне боярину поведать, с чего вдруг его на дворовую девку так потянуло, что он ее чуть ли не женой назвал? Нет?

«Как знакомо! Скандалы, интриги, расследования, – понимающе усмехнулась я, от нетерпения переступая босыми ногами по деревянному полу. – И здесь, в чужом Средневековье по-честному богатого мужика не добьешься, только обманом или, вот как Марфа, сидской магией».

– Нет, господин, – пролепетала ключница, то краснея, то бледнея.

Глумиться над беззащитной теткой, вся вина которой состояла не столько в подлости, сколько в глупости, сиду было неприятно. Однако что делать прикажете? По-иному они все равно не понимают – это во-первых. Во-вторых, Кэтрин вчера была еще более беззащитной, и у любого существа, наделенного сердцем, могла бы вызвать хоть толику сочувствия. Вместо этого растерянная девчонка нарвалась на оскорбления, ненависть и пинки. Проверку на милосердие домочадцы Ивана Корецкого не выдержали, и не только потому, что Кэт была для них опасной чужачкой. Просто есть люди, которые подберут полудохлого котенка и выходят его из одной лишь жалости к беззащитному зверьку, а есть другие, кого хлебом не корми, дай лишь безнаказанно над оным существом поиздеваться. И вторых большинство.

«Зачем я лезу в эти человечесьи дебри? – спросил сам себя Диху и сам же ответил: – А потому что!»

Тот, кто унижает слабого, однажды предаст сильного. В доме друга Айвэна эта зараза цвела неожиданно пышно. Вырубать и выжигать подлость и глупость – занятие для самого боярина, чужеземный же колдун может только зубы для острастки показать. Однако и этого часто бывает довольно, чтобы мерзость присмирела на какое-то время.

– Оставь, что принесла, и пошла отсюда, глупая человечесья самка, – со спокойствием, которого отнюдь не испытывал, бросил Диху, устав прожигать взглядом ключницу. – Чего ждешь, пинка, что ли?

Пыхтя и утирая пот, та живо порскнула в дверь, а сид фыркнул в сторону:

– Все-таки правильно, что я коня у них на дворе не поставил. Страшно подумать, что бы эти люди сделали с лошастью...

Ему вдруг нестерпимо захотелось вымыть руки.

«Угу, угу, лошадку тебе жалче меня было бы», – вздохнула я, ощутив прилив доверия к ирландскому чародею. Какой-никакой, а защитник. Хотя и заранее обольщаться не следовало бы. Знаем мы этих детей Богини Дану, читали. Не отличались они ни особой любовью к людям, ни добротой, ни милосердием. Заманивали под свои холмы и там делали со смертными, что хотели.

Обуреваемая столь двойственными чувствами, я выбралась из каморки и уставилась на гору разномастной одежды.

– Мне кажется, что тетка просто приревновала, – ляпнула я, не подумав, лишь бы разрушить неловкое молчание, но быстро сообразив, что фраза получилась на редкость двусмысленной, исправилась: – Не понравилось ей наше ночное уединение в бане. Я слышала, как девушки... то есть эти... слуги болтали. Вот Марфа Петровна и надумала себе всякого.

Разговаривать с Диху отчего-то было сложно. Каждое произнесенное вслух слово казалось в его присутствии некрасивым, корявым и неуместным. Словно я не на человеческом языке разговаривала, а мекала, не пойми что, как паршивая коза.

– Ее мысли и желания заботят меня не больше, чем прошлогодний снег, – отчеканил сид, все еще злой, как придавленный скорпион. – А тебя они тем более тревожить не должны. Единственное мнение, по поводу которого тебе нужно волноваться, – это мое. Я надеюсь, одного наглядного урока тебе хватило?

– Хватило, – сдавленно буркнула я и стала с нарочитым вниманием рассматривать новый гардероб. Выбрать что-то подходящее оказалось не так-то уж и просто, как может показаться. Поди разберись в ворохе рубаш, летников, опашней и ферязей.

– Мне ведь не обязательно в точности повторять местную моду? – в растерянности спросила я.

Сид, прищурившись, брезгливо разворошил сверток и принялся откидывать не угодившие его чувству прекрасного вещи прямо на пол.

– Это хлам. Это обноски. Это... – Он небрежно, словно дохлую мышь, приподнял двумя пальцами более-менее подходящую к моей фигуре одежду. – Это сгодится, чтобы доехать до города. А там разберемся. Одевайся.

И стремительно скользнул в потайную каморку, чтобы умыться и наконец-то вымыть руки.

Легко сказать! Экспериментировать я не стала, а просто повторила вчерашний опыт с поправкой на то, что теперь у меня имелся выбор. И еще раз убедилась, что ничего сверх необходимого в русской женской одежде не было. Верхнюю, более плотную рубашку без нижней, исподней, все равно не наденешь. А сверху все равно надо летник. Только не тот, что на три размера больше и волочится по полу, а тот, который впору приходится. Никакого нижнего белья русские тетки не носили, это понятно, и все же нельзя сказать, что очень неудобно. Непривычно, это да.

Живая собственность так увлеклась процессом одевания, что даже не заметила, как хозяин не только вернуться успел, но и одеться. Диху постоял немного, наблюдая, а потом одобрительно фыркнул. Похоже, его рискованные методы воспитания начали давать плоды.

– Поди сюда, – сказал он уже гораздо мягче, чем прежде. – Расчеши мне волосы.

– Ого! Ничего себе!

А волосы-то у сида были черные и блестящие, прямо как в телерекламе шампуня, только на самом деле шелковые и густые, а не сделанные при помощи фотошопа на компью-

тере. Они красиво струились сквозь пальцы, каждым волоском напоминая мне, что обладатель роскошной шевелюры нечеловек. Решительно поборов боязнь, я провела деревянным гребнем по прядям. Зубцы скользили легко, волосы ложились один к одному, как у заправского парикмахера. Хотя сомневаюсь, что это была моя заслуга. Сидова грива сама собой расчесывалась.

Руки у девушки оказались не слишком умелыми, но ее старания следовало поощрить. Тем более что неприятных ощущений Диху не испытал. Так, пару раз пряди дернула, но для первого раза неплохо.

– Умница, – похвалил он ее. – Видишь, и от тебя может быть польза. Теперь завяжи в хвост.

Хвост так хвост! Хорошо не косу, а то до обеда пришлось бы плести.

– Жалко резинки нет, – проворчала себе под нос девушка, с горем пополам перехватывая толстенный пучок шнурком. – У нас, знаешь ли, такие штуки есть, эластичные... мнэ-э... кольца из ткани...

– Я в курсе, не отвлекайся, – фыркнул Диху.

В итоге я справилась, но кто же знал, что настолько остро будет не хватать таких вот, самых обычных и привычных современному человеку предметов, вроде зубной щетки и резинки для волос?

Сид провел рукой по волосам и хмыкнул:

– Неплохо.

Для закрепления результата он еще и потрепал Кэтрин по щеке, дескать, доволен я тобой. А потом, решив, что слова надобно подкрепить чем-то более весомым, достал из сундука небольшой ларчик, открыл и щедрым жестом передвинул по лавке к девушке поближе.

– Причешись сама и поройся в ларце. Тебе нужны украшения, чтобы каждая собака здесь понимала, где их место, а где твое. Выбери себе пару колец и что еще вы там носите... Не стесняйся, бери столько этих побрякушек, сколько захочешь. Потом уберешь ларец в этот сундук.

Слегка нахмурившись, он вспомнил, что, помимо одежды и украшений, девушке наверняка требуется что-то еще. А, ну конечно! Она же ничего не ела. У обитателей поместья есть по утрам вообще не принято, а их женщины частенько обходятся одним только обедом. Но Диху не собирался морить свою собственность голодом. По-хорошему, ее не мешало бы откормить слегка. Ножки-то костлявы, да и в постели приятнее держать тело помягче. Иначе можно самому себе синяков наставить, взявшись спросонья за острую коленку.

Сид порадовался своей предусмотрительности, заставившей его с вечера припасти пару куриных крылышек, кусок хлеба и крынку с молоком. Что-что, а молоко у них тут было замечательное.

– Да, и поешь. Видишь, на лавке блюдо стоит? Это все тебе. Должно хватить, чтоб позавтракать.

А затем собственности следовало начать отрабатывать кормежку. Например, учиться решать простые вопросы быта.

– Когда закончишь, кликни дворню, пусть отнесут мои вещи в сани, да проследи за ними, чтоб осторожней были. И жди меня там, – приказал Диху, подходя к двери. – Я скоро.

И ушел. Из-за этих утренних забот он чуть не забыл, что помимо девицы успел повесить себе на шею еще и боярского сынка, за которым тоже нужен был глаз да глаз.

И неожиданно для себя самой я, средневековая невольница Катя Говорова, переименованная хозяином в Кэтрин и назначенная его домашним животным, вдруг почувствовала себя... офис-менеджером. Нет! Скорее уж секретарем-референтом депутата городской думы от правящей партии. Видимо, это были очень схожие чувства.

Кольца-серьги приятны девичьему сердцу во все века, это понятно, а у сида в шкапулке имелось достаточно украшений, чтобы у меня глаза разбежались. Ну, какие у обычной девушки могут быть драгоценности? Как у всех – золотые сережки, цепочка, пара колечек. И крестик, который я как назло перед гаданием сняла с шеи вместе с цепочкой. И уже раз сто пятьдесят пожалела о содеянном – и о гадании, и о крестике.

И если браслетами поддерживались рукава рубашки, и без них было совсем не обойтись, то серьги еще предстояло выбрать. Чтобы и сиду понравилось, и остальные домоладцы и слуги боярина поняли, с кем имеют дело. К слову, тут даже у самой последней чернавки в ушах что-нибудь висело. Сначала я остановилась на скромных сережках в виде подвески-стержня с нанизанными на него двумя жемчужинами и зеленым стеклом, прикрепленной к гладенькому кольцу-мочке. Но потом расхрабрилась и выбрала серьги-полумесяцы, покрытые стилизованным растительным орнаментом с белой, зеленой, желтой и черной эмалью. И добавила несколько колец покрасивее и подороже. Сказано же, чтобы каждая собака понимала, с кем имеет дело. Вставила серьги в уши, посмотрелась в маленькое ручное зеркальце и ощутила себя странно. Словно только что ограбила краеведческий музей. Теперь оставалось поставить дворню на место. Потому что собственными силами вынести во двор тяжеленные сундуки я не смогла бы при всем желании.

– Кликни дворню, кликни дворню, – бормотала я, то высовывая нос из горницы, то снова прячась в спальне Диху. – Как их кликать-то?

Хорошо бы это был старый добрый «клик» компьютерной мышкой. Так ведь нет! Сейчас он явится и что тогда будет? Побьет ведь!

В конце концов, я выскочила навстречу пробегающей мимо девки и крикнула каким-то писклявым, срывающимся от волнения голосишком:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.